

СМЕНА

21

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Партия наш рулевой

Слова Сергея МИХАЛКОВА

Музыка Вано МУРАДЕЛИ

Величаво
Совместно
Слава борцам, что за правду вставали, зная, что свое будущее вы со мной несете, пар-

ти-ю нашу они создавали, к цели заветной вели, к цели заветной вели.

Долгие, тяжкие годы царизма жил наш народ в кабале. Ленинской правдой мы

ХОР
Под солнцем Родины мы крепнем год от года.

рия коммунизма нам за сияла во мгле.

Мы делу Ленина и Сталина верны! Завет на подвиги советские на роды коммуни-

сти, коммунистическая партия страны!

1. Слава борцам, что за правду вставали, зная свободы высоко несли, Партию нашу они создавали, К цели заветной вели. Долгие, тяжкие годы царизма Жил наш народ в кабале. Ленинской правдой заря Коммунизма Нам засияла во мгле.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года. Мы делу Ленина и Сталина верны! Зовёт на подвиги советские коммунистическая партия страны!

2. Партия наши народы сплотила В братский, единый союз трудовой, Партия — наша надежда и сила, Партия — наш рулевой! Думы народные в жизнь воплощая, В бурях крепкая, как скала, В грозных сраженьях врагов сокрушая, Партия наша росла.

Под солнцем Родины мы крепнем год от года. Мы делу Ленина и Сталина верны! Зовёт на подвиги советские коммунистическая партия страны!

3. нас не страшат ни борьба, ни сраженья, Ярко горит путеводный маяк! И помогают нам в могучем движении Пусть не пытаясь враг! С нами сегодня идут миллионы, Путь наш и ясен и чист. Сталин ведёт нас — в бой закалённый, Перейти в стране коммунизм!

Под солнцем Родины мы крепнем год от года. Мы делу Ленина и Сталина верны! Зовёт на подвиги советские коммунистическая партия страны!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 21. 1952 год.

Год
издания
29-й

Токарь-сноростник завода «Энергодеталь» Н. В. Тумасов объясняет методы своего труда
группе студентов Станноинструментального института имени И. В. Сталина.

Фото Я. Рюмина и В. Кузьмина

ПОВЕДИТЕЛИ

РАЗВИТЬ В НЕОБХОДИМЫХ КОЛИЧЕСТВАХ ПРОИЗВОДСТВО ГИДРАВЛИЧЕСКИХ И ПАРОВЫХ ТУРБИН, ГЕНЕРАТОРОВ, ВЫСОКОВОЛЬТНОЙ АППАРАТУРЫ И РАЗЛИЧНЫХ ПРИБОРОВ УПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ КРУПНЫХ ГИДРАВЛИЧЕСКИХ И ТЕПЛОВЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ.

(Директивы XIX съезда партии по пятиму пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы.)

Бригадир комсомольско-молодежной бригады гидротурбинного цеха Василий Лемисов и слесарь Валентин Вороников.
фото В. Уткина

Н акануне того памятного дня Виктор Денисов зашёл на квартиру к своему приятелю Валентину Водяникову.

Ничто не мешало друзьям поговорить по душам и принять окончательное, но ещё тайное для всех решение. Они примостились у настольной лампы, раскинувши газету... Вот оно — на первой странице — историческое решение партии и правительства об строительстве Волго-Донского судоходного канала. Прочтаи ещё раз. И открывался перед глазами бескрайний ширь донских степей, железобетонная громада Цимлянской плотины, богатаярская постель шатающихся экскаваторов...

Рабочие руки там теперь, на вес золота, — прервала молчанье Виктор, — очень нужны. Нет, ты как хочешь, а я решил твердо: еду на Волго-Дон!

Вместо ответа Валентин крепко пожал товарищу руку: он тоже решил ехать.

— Утром в гидротурбинном цехе Ленинградского металлургического завода имени И. В. Сталина работа шла своим чередом. На участке сборки пиласам слышались отзвуки электросварки, дробно стучали пневматические молотки, тонко позвизгивали напильники. Смесари-сборщики Валентин Водяников и Виктор Денисов работали, как всегда, уверенно, чётко. Но Виктору было совсем нетрудно заметить на лице товарища какое-то особенное выражение. Будто задумался, замечтался человек о хорошем и далёком, а руки тем временем делают своё привычное дело...

Всё-таки трудно расставаться с родным заводом! Виктор хорошо помнит, как несколько лет назад, окончив среднее образование, впервые пришёл он на завод и был совершенно подавлен, оглушённый грандиозным великомерием знаменитого цеха, размерами машин и деталей. «Пойду в другой цех», — сказал он тогда бригадирю, решительно нахлобучивая на строгую голову фуражку с молоточками. — Боюсь тут, впрочем, не справлюсь...

Виктор улаживает, припоминая это. Теперь он первоклассный рабочий, стажирован. Каждый день двести, двести пятьдесят процентов нормы! Бон его фамилия на Доске почёта. И в заводской многоэтажке «Сталинцы» не раз писали о комсомольско-инженере Викторе Денисове. Конечно, вырос он здесь, помогли ему старшие товарищи. Но теперь...

— Витя, слышь? — это Валентин Абрамов, ещё один слесарь их бригады, крепчайший веплодядя болты, зовёт его.

Виктор пододвинул.

— Тебе чего?

Абрамов огляделся по сторонам, придвинулся вплотную к Виктору, доверительно зашептал.

— Я решил на строительство Волго-Дона поехать. Как думаешь, отпустят?

Бригадир комсомольско-молодежной бригады сборщиков коммутин Василий Ильич Лемисов слышком хорошо знала своих людей, чтобы в то утро не заподозрить неладное. Но он выжидал, зная, что ребята сами придут к нему и объявят всё начистоту.

Он не ошибся.

В обеденный перерыв к Лемисову подошли трое: Водяников, Денисов, Абрамов. Немного поануясь, с превеликим старанием вытарапли ветошь руки, заговорил Водяников:

— Решили мы уйти с завода, Василий Ильич.

Этого бригадир ожидал меньше всего.

— Это почему?

— На всякую стройку хотим ехать, — ответил Валентин и торжовно добавил: — Вы, Василий Ильич, за нас словечко замолвите у начальства. Очень просим! Лемисов помогача, потом ответил:

— Ладно. Подумать надо. Вопрос серьёзный.

Бригадир наведёлся в парток. Он вернулся в цех очень взволнованным, окрылённым. Молодые сборщики тотчас же окружили его. В глазах один и тот же вопрос: «Ну как? Отпустят?»

— Задерживать не будут, — сказал бригадир. — Дело всё задумано хорошее. Только хочу сообщить вам одну новость: наш цех получил срочный заказ на изготовление турбин для Цимлянской гидроэлектростанции. Не скоро, турбоводы придёт бригада, семь удачу лучшие сборщики. Но мы постараемся. Шутючее ли дело — строить турбины для Волго-Дона!

* Он обвёл взглядом окружающих его рабочих, задержал его на тронх «обеденца». И сразу понял: ни один человек не уйдёт из бригады. Такая радость светилась на лицах!

Через минуту все были на своих рабочих местах.

...

Комсомольская организация Ленинградского ордена Ленина металлургического завода имени И. В. Сталина взяла шефство над заказами великих строок коммунизма.

Это означало, во-первых: будь сам первым в труде. Это означало, во-вторых: интересуйся работой своего товарища.

Когда бюро комсомольской организации гидротурбинного цеха создавало контрольный пост, член бюро Валентин Водяников предложил кандидатурой своего друга Виктора Денисова.

— Денисов не подведёт. Работает хорошо. И глаз у него острый, знает производство. Кроме того, — он усмехнулся своим мыслям, — Виктор и Волго-Дон имеет особое отношение. Так Виктор Денисов стал членом комсомольского контрольного поста. Выглядел ежовишно по две нормы, он успевал побывать и на соседних участках цеха. Везде вилепа работа. Могучие краны с бесоватым гудением проплывали в вышине, неся огромные детали будущих цимлянских турбин.

Но за межничковском участке выяснилось, что мастер задержал обработку деталей волгодонского заказа: пропускает другую работу.

— Почему?

Мастер недоумевавше смотрит на паренька:

— А ладно ли сборщики стали лезть не в своё дело? У вас, молодой человек, свой участок имеется, у меня — свой. Кроме того, как видите, на станках не матрёшек вытачивают, а тоже важные детали!

— Это я вижу, — отвечает Виктор. — Но заказ великой стройки должен быть выполнен вне очереди. Он важнее всего!

Чувствовалось, что из этой ответственной, необъяснимой работе растут люди, мукает их мастерство.

Слесари-сборщики комсомольско-молодёжной бригады Лемисова становились универсальными рабочими. Они хорошо изучили все инструменты, операции в области десятками инструментов, былые, что называются, мастерами на все руки.

— Вот я представляю себе наш завод лет через десять, — говорил как-то Виктор Валентину Водяникову. — Автоматика всякая появится, станки новые. Значит, нам нужно быть рабочими широкого профиля, а не только слесарями или токарями.

— Учиться надо, — отвечает Валентин. — Без этого далеко не уедешь.

Ему припомнился случай, происшедший на заводе не так давно.

Водяников как член комсомольского бюро хорошо знал Виктора Чибанова. Потомственный турбостроитель, он избрал себе родку профессора релеевчика, «закрыщика по металлу».

Послушавшие товарищев, Виктор Чибанов поступил в седьмой класс вечерней школы. Окончив его, начал учиться в восьмом. Как-то Водяников зашёл на его участок: члену комсомольского бюро положено бывать везде.

Ну как, приятель, не хватало ещё двоек? — пошутил он, подходя к Чибанову.

Виктор не ответил. Валентину показалось, что в глазах товарища промелькнуло какое-то виноватое выражение. «В точку попал», — решила член комсомольского бюро. Но опиздел, дело обстояло ещё серьёзней.

— Брось я и в твою школу сказал Чибанов. — Трудно учиться. Валентин поссовстался с комсоргом цеха Николаем Смирновым, вместе они пришли к Чибанову объяснить, помочь ему.

— Конечно, трудно! — горячо доказывала Николай Смирнов комсомольца. — Но ведь жизнь-то идёт вперёд. Вить. Сегодня ты не успеваешь учиться, завтра не сможешь работать. А для нашей работы нужны знания. И очень большие!

Виктор Чибанов стоял перед товарищами, не поднимая глаз. Наконец он сказал:

— Хорошо. Обещаю вам — буду учиться.

Скоро он снова сел за парту в восьмом классе вечерней школы.

...
— Когда мостовой кран провёс над головами людей шестиметровую громаду цимлянской турбины, казалось, стены цеха содрогнулись от грома аллодисментов.

Валентин Водяников и Виктор Денисов стояли рядом, проводя глазами могучую машину, каждый азиатски которой знали они наузист.

И было совсем нетрудно представить, как хрустально-прозрачная вода Волго-Дона примет к могучей платине, как с головокружительной быстротой развернутся роторы турбины Цимлянской ГЭС и спет острый диск станины.

— А на Волго-Дон придётся, видно, мне ехать, — лукаво улыбаясь, сказал робятам бригадир. — Приглашают.

— Василий Ильич, передайте от нас привет вологодчанам, — поприсился «бегущий». — Скажите, мол, если ещё что понадобится, — слезаем!

Они, конечно, завидовали своему бригадиру...

...
В светлых залах конструкторского бюро над анкетами вагмана скакали люди. У чертёжных комбайнов гиполоаза илут жаркие споры.

Здесь рождаются турбины Куйбышевской ГЭС.

Таких турбин ещё не видела мир. 2 100 тысяч киловатт — мощность самой большой в мире Куйбышевской гидростанционной станции.

А в соседнем помещении можно познакомиться с прообразом этих гигантов — моделью. Она в десять раз меньше будущей куйбышевской турбины, но и для её изготовления требовались десятки тонн стали.

Слесари-сборщики Водяников и Денисов осматривают модель деловито, по-хозяйски. В скором времени им придётся иметь дело с куйбышевскими турбинами.

— Подам пойдут сталинградские, — прикидывает Валентин. — Согласно плану.

Когда в цехе читали вслух директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану, каждый ясно представил себе грандиозную программу дальнейшей электрификации страны. Ещё бы: на рабочих местах цехов, оваряемые успешными электростроителями, уже выслаивались гигантские детали многочисленных турбин!

Здесь их называют запросом, по имени: камские, горьковские, нарвские, минчурские...

— Да, география! — восхищённо вздыхает Денисов. Потом добавляет: — Всё равно, Валентин, на всех стройках побывать не сумею бы. Больше много!.

Однажды Денисов, иля по механическому цеху, увидел, как невольская девушка в рабочем халате подошла к токарному станку, проверила зажим, включила ток. Виктор хорошо знал всех рабочих, но этой девушки раньше в цехе не видел. «Симпатичная», — подумал он.

— Это что за новенькая у нас? — спросил Виктор у токаря Вали Поздничкова.

— Да вглянута на него кисюса, улыбунался:

— Та ведь это Маруся!

— Какая Маруся?

— Та самая, которая в ремесленном училище. Помнишь, а кинофильме «Настречу жизни»? Она училище закончила и теперь на нашем заводе работает бухгалтер!

Виктор покачал головой: так не бывает...

Но девушка, стоявшая у станка, действительно была той самой Марусей. Вспомнил, не Марусей, а Надеждой Румянцевой, молодой киноартисткой, знакомой зрителям по фильму «Навстречу жизни».

Это в цехах Ленинградского металлургического завода появилась кинолентой студия «Лонфильм», снимающая новый художественный фильм «Победители» о строителях Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. Режиссёры, операторы, художники, артисты с большим интересом знакомилась с цехом, с его людьми, выжили в производстве. Ещё бы! Попробуй изобрази стахановца-слесаря, если ты ни разу в жизни не держал в руках простого гаечного ключа! Но многие участники фильма не так уж плохо разобрались в вопросах производства. Артистка Надежда Румянцева, создавая свою прелестную роль, научилась работать на токарном станке, а Маргарита Амфилова, играющая в «Победителях» роль Шуры Ветровой, в своё время окончила ремесленное училище и техникум.

Артист А. Михайлов — постоянный гость в комсомольско-молодёжной бригаде сборщиков: ему предстоит сыграть в фильме роль слесари-сборщика Кости Брыцнева. В этом образе сойдётся лучшие черты молодых новаторов бригады, в том числе и Василия Лемисова и Виктора Денисова, и Валентина Водяникова, и Валентина Абрамова, и многих других.

— Значит, нас играть будете? — удовлетворённо констатирует Виктор Денисов.

Так вот ты какая, слава!

Сентябрьским днём газеты принесли весть о награждении орденами и медалями Союза ССР строителей Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина. И среди награждённых было имя Василия Лемисова — бригадира комсомольско-молодёжной бригады сборщиков Ленинградского металлургического завода.

Родина высоко оценила труд тех, кто за сотни и тысячи километров от гранитных берегов Волго-Дона ковала всенародную победу.

Заключив смену, они шли по улицам родного города. Солёный багрянский ветер приятно ласкал разгорячённые волнами-ем лица. Ощущением большого, настоящего счастья полнились сердца.

— Выходят, но обязательно надо ехать на Волго-Дон? — хитро улыбнулся сочувственно, спросил Василий Ильич Лемисов.

— Здорово получилось, — ответил Валентин Водяников. — Всей страной его строят, всем народом! Скоро и Куйбышевскую ГЭС так построят, и Сталинградскую, и Каховскую, и Главную Туркменскую!

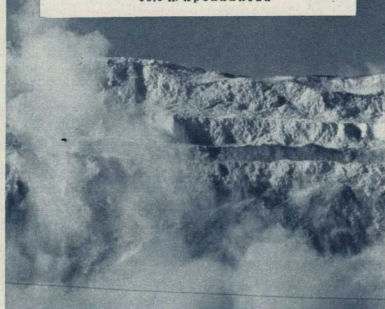
— И коммунизм так построят, — заключила его мысль Виктор Денисов. — Всей страной. Всем народом.

Ремисеры, операторы, художники, артисты с большим интересом знакомилась с цехом, с его людьми, выжили в производстве. На снимке (слева направо) режиссёр Ф. М. Эрмлер, артист А. А. Михайлов, слесари-сборщики Виктор Денисов, оператор А. Н. Колыцкий.

ВОЛЬСКИЙ ЦЕМЕНТ

Фото Н. Хреникова

Полуенное солнце хотя ещё и стоит высоко, но уже не греет. Лёгкий ветерок тихо шевелит пожелтевшую листву, поднимает мелкую пыль на бледно-голубой волжской воде, взбирается на гряды гор, окружающих с трёх сторон маленький Вольск, и поёт, поёт свои монотонные песни в громадном амфитеатре меловых карьеров. Здесь день и ночь кипит напряжённый труд многих десятков людей. Отсюда берёт своё начало производство цемента.

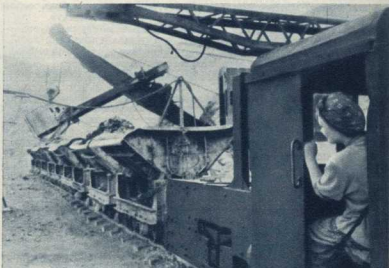
Варвы следуют один за другим. Вверх вздымаются столбы горной породы, далеко по сторонам разлетаются белые камни, с круглого утёса сползают вниз глыбы мела. На минуту наступает тишина.

Сигнал «Приступить к работе» мгновенно оживляет всё окружающее. Машинист экскаватора комсомолец Геннадий Площаднов вклю-

чает мотор. Стрела машины опускается, и ковш начинает без устали врывать в раздробленную горную породу. Руки машиниста ритмично, с точностью часового механизма переключают рычаги.

Геннадий Площаднов — секретарь комсомольской организации цеха, вожак молодых горняков. Его, недавнего выпускника ремесленного училища, часто приходится консультировать заводского комитета комсомола Михаил Поскребаев. Сам бывший производственный, он знает цену трудовым успехам, внимательно следит за ростом молодого секретаря, помогает руководить комсомольской организацией.

Одна за другой подходят под ковш порожние вагонетки, и вскоре небольшой электровоз уже мчит их к длинной галерее. Потом вагонетки попадают к сырьевому цеху. Сюда же приходят вагонетки с глиной.

Три части мела и одну часть глины сыплют в завальную яму. Эту смесь специальные агрегаты перемалывают, размывают водой и ещё более размельчают в бассейнах механические мешалки. Полученная жидкая масса называется сырьевой смесью (шламом). От неё зависит количество выработки цемента и его качество. Поэтому состав шлама тщательно контролируют работники лаборатории.

...Сиренко, чисто одетая лаборантка Галия Максимова берёт пробу шлама. Анализ показывает: тонкость помола — в норме, влажность — 36,1 процента. Галия идёт к контролёру Вере Сметанной, показывает ей анализ. Обе комсомолки довольны: всё в порядке, нормы стандартов не только выдержаны, но даже снижены.

— А сколько знаний, упорного труда нужно было для того, чтобы снизить влажность на каких-то два — три процента! — Галия указывает вниз, где в громадных бассейнах, как в волжских водоворотах, бурлит густая сероватая масса шлама.

— Недаром нашему директору и главному инженеру правительство присвоило звание лауреата Сталинской премии за снижение влажности сырьевой смеси, — замечает Вера и бежит к бассейну, откуда готовая сырьевая масса подвётся к цементно-обжигательным печам.

**УВЕЛИЧИТЬ МОЩНОСТИ ЦЕМЕНТНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ПРИМЕРНО, В 2,1 РАЗА.**

(Директива МХ съезда партии по
вступлению пятилетнего плана развития
СССР на 1951—1955 годы.)

Семидесятиметровой длины круглые корпуса цементно-обжигательных печей, слегка наклонённые, вращаются медленно и величаво, словно сознавая свою важность в производстве цемента.

Мастер смены лауреат Сталинской премии Иван Андреевич Хазов открывает смотровой люк и через защитное синее стекло пристально осматривается во внутрь агрегата, где яростно бушует ослепительное пламя и, медленно перекатываясь, движется раскалённая добела масса шлама. Помощник машиниста Александр Милов внимательно смотрит на мастера и по выражению его лица старается определить «поведение» печи.

День и ночь сыплются из печи массы раскалённых шариков величиной с кедровые орехи. Это клинкер. Он падает в охлаждающие машины — холодильники, а через несколько дней, уже остывший, по-

дётся в мельницы, которые перетирают клинкер в мелкий порошок-цемент. Автоматические машины насыпают его в непромокаемые бумажные пакеты.

Десятки вагонов и многосоттонные суда ежедневно увозят с завода цемент стройкам нашей Родины. Тысячи тонн цемента отправил коллектив ордена Трудового Красного Знамени завода «Большевик» гидростроителю Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, много десятков тысяч тонн дано Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина. Берега этого замечательного первенца сталинских новостроек, его шлюзы, насосные станции, — словом, все бетонные и железобетонные сооружения сделаны из цемента волжских и новоросских заводов.

А. ВАРФОЛОМЕЕВ

Валентин ГУБИН

На реке

На побережье
Гуа погрузки.
На лодках девушки плывут.
Наполнен вёртер
лесней русской,
Зовущей на геройский труд.
Высок подъёмный кран,
Как вышка.
На баржи грузит он
тайгу.
Над пирью
Голубой, иртышской

Гудки буксирные бегут.
Суда уходят
в новый город.
На них большого солнца
блеск.
Рекой разрозненные горы
На посылу людям свяжет ГЭС.
Громодай встанет над рекою
Плотины светлой полукруг.
Иртыш,
Не знающий покоя,
Покажется на жаркий юг.

КАК ДНЕМ

Рассказ

— С квартирами у нас нынче трудно, а мы ему отдельную квартиру, — вмешался начальник, — все условия... — и бросил такую тоску увидел он в глазах глазах горного комбайнера.

По-малышечки шмыгнул носом, Пропок полез куда-то за папку комбинезона, извлек оттуда листок бумаги и протянул директору.

Прискока пробежал глазами написанное, недоуменно поглазил плашмя, передал листок партгорту.

«Прошу перевести меня обратно в молодёжное общежитие № 2. Горный комбайнер П. Черных», — прочёл партгорт.

— Это как же понимать?

— Не могу, товарищ партгорт... Ну её к асиному, эту квартиру! Я ведь в общежитии, если ступить с ровесником, пить хот жисту. Привычка выработалась. Сам же прошибшись — ребята разбудят. А тут две комнаты, кухня... А я один, как сыч. Проспишь, конечно. Третий раз крыду проспал... Переводите обратно!

— Постой, — перебила Прискока, — а почему будильник не купишь? Денег жалко?

Пропок безнадёжно махнул рукой:

— Купил. Не слышу. Спать я очень сильно.

Партгорт забрал в кресла Лубы его смешно подёргивалось.

— Проша, ты, говорит, жёниться собираешься?

— Теперь уже всё равно... Со вчерашнего дня, Родион Ильич, всё жёниться кутурмом полагался.

И, не дожидаясь разрешения, пошёл к двери.

— Прокрой Матвейчик! — крикнул ему вслед Прискока. — Распробуешь, чтоб тебе в квартиру из наральной звонок провёл... Долго ещё секретарша, удивлённо изогнув брови, слушала всебелый хохот, доносившийся из кабинета начальника.

...

Накануне Пропок Черных и Галя Шешина, студентка горного техникума, как и было условлено, встретились в шахтёрском Дворце культуры. Заезжий лектор читал про любовь и дружбу. Народу набралось — яблону унести негде! Оно и понятно: молодёжь интересовалась, как положено вести дружбу и любить, а пожелать — не ошибался ли в своё время...

Но заезжий лектор говорил на редкость глупо, и в депо пид наравн, озабоченно поглядывал на часы. Пропоку даже стало его жалко: «Эх, брат Видно, не досталось тебе в жизни ни любви, ни радости, ни профессии, выбора... Какой же из тебя лектор! Шёл бы лучше в красильщики, вот какие мускулы под пиджаком бегают! И заработок хороший...»

К счастью, лектор скоро кончил, справился, шёл ли у кого каких вопросов, и отключился. А в это время в фойе дворца уже пришло разбегались ругали самодеятельного духового оркестра. Пропок и Галя присоединились к танцующим.

Собственно говоря, танцевала Галя, а Прокрой Черных подпирал колонну и с достоинством отвечал на приветствия знакомых парней и девчат. В принципе Пропок не возражал против танцев, но считал, что если танго и фокстрот — чепуха, то падектри и нева-де-три — митам лупше.

Галя уже танцевала два танца с врубашничеством Метег Поддубным, а едва оркестр грянул «Дунайские волны», Поддубный опять подкатился к Пропоку и Гале и по всем правилам спросил у Черных, нельзя ли пригласить на вальсе его даму. Пропок разрешил и даже новой шаржиров, но испытал большое желание дать по затылку начальному врубашничеству.

Галя танцевала с Поддубным, который, очевидно, из всех сил старался её расчлестить, и девушка только смеялась. Потом они заговорили о чём-то серьёзном, и Галя смотрела Поддубному прямо в глаза.

Черных с Галей был знаком полтора года, с того самого дня, когда дедал в горном техникуме сообщение об использовании угольного комбайна на мерзлотных пластах. Через полгода Проша поведла Гале Шешиной о своих чувствах, а она, в свою очередь, призналась, что любит его.

Тогда Пропок предложил Гале выйти за него замуж. Девушка попросила повременить до окончания техникума, сказала, что и родители спрсить не мешает. Ответа ещё не было.

«А может, и не нужно никакого ответа? — с неозададанной тревогой подумал Пропок и тоскливо проводил глазами кружившийся в вальсе Поддубный и Галя. — Может, и низкий свадьбы не предвидится?»

— Почему заругали, Прошенька? — подбежавшая Галя тронула его за рукав, вопросительно заглянула в глаза.

— Пойдём, Галина...

Выл зюнь, Вальме ночи. Светло, как днём. Яркий язычок солнца выглядывала из-за террикона шахты, как будто подрагивая

В половине восьмого утра начальник шахты «Запоярная-3» Иван Гаврилович Прискока закончила наряд и прошла в свой кабинет, бросив на ходу секретарше:

— Черных!

По тону и ссутуленившимся плечам директора многоопытная секретарша поняла: будет буря...

Иван Гаврилович, грохоча креслом, уселся за стол, отодвинула в сторону объёмистую папку «На подпись», закурил, а потом снял телефонную трубку:

— Партгора, Нет? Зовите на квартиру... Родион Ильич? Здравствуй. Проснулся? Нет ещё? Всё равно приезжай. Скорыйный случай...

Партгорт приехал через пятнадцать минут, озабоченный. Пожимая руку, пытайся глянуть на начальника шахты. В чём дело?

— Прискажишься, Родион Ильич. Будем крестинка твоего привенять... Прискока ткнула пальцем кнопку звонка. Вошла секретарша.

— Явился?

— Да, Иван Гаврилович.

— Зовите.

В дверях показался коренастый человек лет двадцати — горный комбайнер Прокрой Черных. В комбинезоне, с «платёрским солнышком» на каске, но по всему видно: в забой ещё не ходил. Головолазный, светловолосый, с чёрными ресницами. У самых безбородых шахтёров ресницы всегда чёрные, хотя косметика тут не при чём. Вся фигура горного комбайнера выразила покорность.

— Товарищ Черных, — тихо заговорила начальник шахты. — Сегодня вы в третий раз опоздали к наряду. Опоздали опять на секунды минут. Подобные факты, — тут он закрывал, размахивая руками — Шахту покоршил... Справьшь график...

Когда Прискока умоля, нервно чиркая свечкой, Родион Ильич кинула головой на кресло против себя. Черных осл. Сел, как и положено, в абсолютно чёрном от угольной пыли комбинезоне.

— Что ж, Прокрой Матвейчик, порестала коллектив уважать? — сполобно заговорила партгорт. — Завидася? А не сладалово бы... Поминишь, когда пришёл ты на шахту из ремесленного училища, три месяца не мог с нормой справиться? Так тебе старые горняки помогали. Они, как говорится, тебя на ноги поставили, сделали стахановцем по своему образу и подобию. Стал ты знаменитым человеком. Правительство тебя медалью награждало. А ты, знаешь, забыл и стал подводить товарищей? Раскис от славы?

На рассказов, поступивших на конкурс журнала «Смена».

дешь вакобайных в этом северном крае: не будет вам, дескать, ни луны, ни укромого улова, ни солонюшки... За полным жемерной дороги разбалабала хомякостая, пёстрая, как ситен, разишь: тутура зашевала...

— Проща! Ты с Поддубным дружишь?

— А что?
— Не ладится у него что-то с работой. И никто не поможет. — Никто и не поможет. Занябась больно...

— Неправда! Он очень хороший человек. Открытое сердце. «Его так так» задыхался Прокон.— Средине открывал... Уси-малом по подавала он в себе заколотывшее резниное чувство, загорина спокойно, как и подобает мужчине:

— Галина... Я тебя спрошу: могла бы ты полюбить другого?

— Что же мне, двоих сразу любить? Я тебя люблю.

— Ну, а если б меня, دوستим, не было?

— Куда же ты денешься? — улыбался Галя. Черных взглянула на жемерносторожну нысашь, мимо которой они шли. Синие, с изморозью реально убегаем вдале, сходялись и исчезали у горизонта. По этой дороге пять лет назад приехал Прокон из колхоза в заполярный город поступать в ремесленное училище.

— Могла бы жизнь и по-другому повернуться. Могла бы и не встретиться.

Галя задумалась. Потом сказала гауко, раздалоно:

— Могла бы... не встретиться...

— Значит, встретила бы кого-нибудь другого и его полюбила? Делала долго не отвечала. Потом озорные икорки мелькнули в её глазах.

— Конечно! Сколько хороших людей вокруг!

Губы Прокона скривила нехорошая усмешка.

— И замуж, конечно, за них пошла бы?

— Пошла бы. Конечно не за того, а за него, за одного, которого полюбила бы если б тебя не было.

— Например, за Митю Поддубного...

Галя сдвинула брови, рассердилась:

— А почему бы и не за него? Чем он плох, Поддубный? Что во

во все на него выпадает?

— Политико... — сказала Прокон, круто повернувшись и зашагал по шпалам, оставив у насши отороженную девушку.

Вен эта вчерашняя история припомнилась Прокону, пока в голубом вагончике подземного трамвая он ехал к своему участку. Как бы то ни было, а галину готовность выйти замуж за другого Прокон счёл для себя оскорблением.

Спустившись в лагу, он буркнул несколько слов извинения товарищам по поводу опоздания, осмотрел комбайн, заменил в баре затупившиеся зубцы и кинула головой помощнику:

«Поехали!»

Заревел мотор. Зубастая челюсть комбайна вгрызалась в месалитовый грунт забоя. Первые комбайн антрацита, кумирался, полетели по рентакам. Все обиду вчерашнего и сегодняшнего дня, всю злость вложила Прокон в яростный напор машины. «Помо-трем», — думает Прокон, — полагалим ещё! Ну-ка, Митя Поддубный, не жметел ли ваша шмакья душа лютягаться с Проконим Чер-ным по части угольной добычки!»

Р-р-р-р...

Мгновенным движением руки Черных остановил мотор. Режу-щая цепь комбайна вошла в породу. Помощник оторопело сме-трел на Прокона: такие вещи не часто случались в практике его шты.

— Ты не хвораешь часом, Проконий Матвеевич? — извительно забржал за спиной Прокона старый механик. — Ежели так, надо в поликлинику сходить, подде-лать нервную систему...

Черных покраснел; хорошо, что под сло-ем угольной пыли никто этого не заметит. Включил обратный ход, вывел цепь из по-роды. Повёл лечами, как будто стараясь избавиться от каких-то навязчивых мыс-лей. И тогда положил руку на рычаг.

Поток угля ринулся вниз. С мощным ре-вом шёл по шпёрке комбайн, сокрушая метровой пласт.

Заулыбался помощник, скаля белые зубы. И Прокон вдруг почувствовал, как спокой-ная уверенность, светлая радость вошли в его сердце.

...

После работы Черных отправился в бух-галтерию за полушкой. Кассир — старичок в синей толстовке, — приветливо улыбался, протянул Прокону две пачки новеньких сторублёвых и ещё одну вперевод тысяч: всего две тысячи восемьсот рублей. Кассир любил солидных клиентов.

— В столовую вместе? — спросил Проко-на Поддубный, тоже отходя от окошка и за-пихивая деньги в карман.

— Не пойду. Привыкши дома. У меня те-перь кухня своя, — ответил Прокон и с удовольствием услышал за своей спиной присвист товарища, в котором — уважение и зависть.

Прокон сказал под фотлабораторию, а кухню отвёл под фотлабораторию, где печатала галины портре-ты. Впрочем, Черных и за самом деле решил отнине обедать до-ма. И поэтому завернул в магазин. Купил кастрюлю, две тарелки, две чашки (может, кто в гости придёт). Потом, как и положено в хозяйствах, — фасолы, макароны, сахару, консервов и ещё — хлаву, которую обожла с детства.

Больше всего Прокон боялся встретить Галю: ещё посмеётся над его извстремил. И, конечно, встретил.

Она шла с подругами, очевидно, с жемерна. Синий китеал с шеплицами, сумка через плечо. Смотрят прямо на него чёрные, горячие глаза...

Подозривались. Остановились. Подружки отошли в сторону. Помолчали. Черных поймал галин взгляд на своих покупках.

— Купила вот...

— Вилку, Молочко, что купила... Знаешь, Проща, а меня на вашу шахту направлял. Начальником участка.

Видно, ждала поздравлений. Но Прокон только усмехнулся:

— Надеюсь, не в мою лагу?

Галины глаза исторженило сумались.

— А почему бы и не в твою? Поможешь на первых порах. Мне ведь неакто будет...

Прокон улыбулился; значит, понадобились всё-таки!

— А может быть, Галишка, повременишь с работой? Замуж ведь не за Митю Поддубного идёшь, — за меня. Думаю, как-нибудь перебьёмся, а?

Галя не вырзалась ни радости, ни смущения. Только сказала тихо:

— Ох, и хочется мне надавить тебе по щекам. Да неудобно вна ледах срамить такую знаменитость...

Снова, но уже по-другому взглянула на прошигну кастрюлю.

— Знаешь, для меня купил! Ну что ж, умею. Спасибо тебе... женишок!

И пошла, подхватив подруг под руки. Начала что-то рассказыва-ть. Расхохотался на все улацу.

Этого Прокон уже не мог стерпеть. От огорчения и обиды даже дух пережвятило. Беспомощно огляделся по сторонам. Увидел напротив «Большенно-шпалычвал».

Прокону, как и другим, было досконально известно, что в тор-гующей точке, расположенной под этой вывеской, отродясь не бы-вало ни пельменей, ни шампльков. Но в молодом городе любими пышные вывески.

В закуской лаудей мгалю: у окна седоусый шахтёр ест шпён-ную кашу, записывая киселью; прилугуем к гармоши щекви, дремлет на стуле человек в засаленном макинтоше.

Прокон заказал водки. Выпил. Пить Прокон умеет: несложная наука. Правда, ещё зимой пообщала Гале, что не выпьет ни рюм-ки до самой свадьбы. Но теперь уже внешне обещания не нужны.

И свадьбы, видимо, не будет. Зачем она? Ещё не поженились, а каждый день сеора. Кроме того Прокон, конечно, никогда не со-гласится, чтобы его жена командовала им на работе. Ещё не хва-тало!. А, впрочем, что же здесь плохого? Участок стахановский, не то, что у Митяги Поддубного. Сработался бы на лагу. Потом, галишка, в галете фотографии: Проконий и Галина Черных, муж и жена — новаторы. Ей богу, хорошо!. А он, дурак, заработком хвастался. Стыдно!

— Мамаша, не ляйте...

Одному пить не интересно. Прокон оглянулся. Старик-шахтёр

уже расправился с кашей и киселем и, вытирая усы, неординарно смотрит на Прокопа. А тот, что с гармошкой, уже просянулся и тоже поглядывает на него, улыбаясь. Похоже — свой парень.

— Ты не с двадцати? — спрашивает Прокоп.
— С двадцати первой, — отвечает парень и опять улыбается.
— Крешальник?
— Знаешь ли.

— Ну, садись. Сыграй Шахтёрску!
Парень озорно подмигнул, рванул бас, заткнул про «молодого конюхона». Прокоп ни разу в жизни не видел на шахте ни лошади, ни конюхона, здесь работали электровозы. Песня показала ему неинтересно, и он полагает руку на меха гармонии: Ты новую знаешь? Из «Донских шахтёров»...
— Какую? — переспрашивает парень и снова подмигнул: — Двести грамм поставил?

Прокоп поставил. Сам не пил. Потянул на задушенный разговор.

— Вот ты знаешь... Уважаю... А всё-таки комбайнер важнее. Комбайнер? Так то же в колхозе — комбайн-и...
— В колхозе?

В хмельной голове Прокопа зашевелилось подозрение.

— А кто на двадцать первой шахте героическую звезду носит? Парень изначально заулыбался:

— Известное дело. Кому напелить, тот и носит...
Прокоп рывком двинул stool, поднысая.

— Не знаешь ли ты и не шахтёр, а знаешь кто?.. Может, ты... проходимец?

Парня как ветром сдуло — исчез за дверью. Обижённый Прокоп полез в карман: проверил, целы ли деньги.

— Получите, мамаша... Ходит к вам тут разные...
— Всякие ходят, — согласилась мамаша, наשמливо взглянув в лицо Прокопу, и он почувствовал, как заливается краской стыда его щёки...

...

Прокоп шёл по улице и ругал боковую ночь, которая выставляет его в таком виде напоказ всему городу. Завидев прохожего, он спорила в переулок и через час снова оказался на том же самом Челюскинском бульваре, откуда начала свой путь. Но теперь бульвар был пустынен, тих. Прокоп сел на скамейку, вложил руки в свои карманы, усталое взглянул в глаза.

Большое северное солнце, будто порывок дуть, на какие-то пять минут опуталося за горизонт, а потом снова начало набирать высоту. Светало так быстро, что, когда Прокоп открыл глаза, он увидел крохотные листья карликовых берёз, высаженных на бульваре, сердце, пронзённое стрелой на противоположной скамейке, и ещё Прокоп увидел самого себя.

Горный комбайнер Прокопий Черных в парадном шахтёрском мундире, с медалью на груди улыбался с портрета. Светлый выкор над левой бровью, длинные, как у девушки, ресницы — всё в точности изображая художник, и даже плохо стёртая сетка не уменьшает сходства.

Знающий комбайнер чуть-чуть наשמливо смотрит прямо в глаза настоящему Прокопу.

Настоящий? Какой настоящий? Разве не тот, с медалью, а этот, исколеченный человек, — настоящий?

— Брёвн, — сказала Прокоп и, собрав свёртки и кулак, пошла по бульвару.

Крепко спит горно-накану выходящий дня. Проснёшься посреди ночи шахтёр, осмелевший попомогает на яркое солнце в окне, схватится за часы, осмелеет и с наслаждением посперится на другой бою.

Челюскинский бульвар упрется в берег холодной тундровой речки. Здесь, на берегу, Прокоп и Галл давно облокавились заросшей шаловитым ивелем выстой сидеть высоко, видно далеко, а на противоположном берегу день и ночь мягко урчит в четыре трубы красавица ТЭЦ.

Прокоп уже собрался привлечь здесь, в одиночестве, как вдруг увидел вину, у самой воды, лодку, а в ней человека. Фигура человека показалась ему знакомой. Вот человек поднялся, двинулся удачнее, обернулся. Да ведь это Родион Ильич — партгор «Знамя-Ляной-3»!

— Родион Ильичич! — крикнул Прокоп.
Партгор поднял голову, сердито приложил палец к губам, тоже закричал:

— Не ори! Ты мне рыбу потрошежишь.

Прокоп в два прыжка отчутился у лодки. В жестяном ведре, приоткрытом крышкой, что-то уже постукивало. Он осторожно приподнял кепку. Пять крупных хариусов беспокойно забиян хвостами.

— Хороши? — улыбнулся Родион Ильич, явно неспрашиваясь на комплимент.

— Ничего, — сдержанно похвалил Прокоп. Он алмалвал и более крутых.

— А ты что ж без удочки? Родион Ильич вдруг сморщил нос, нахмурился бровью. — А куда, дьявол!

Прокоп двинулся.
— Так-ак. Именнинчик?

Прокоп не ответил. Партгор тоже замолчал, отвернувшись, затуливая удочку. Разноцветная «мушка» пошла по течению. Через мгновение все всё появилось синяя шивка. В хрустально прозрачной воде было отчётливо видно, как лососид недоверчиво осматривал со всех сторон «мушку», плыва ея жаром, отпала...

Прокоп засопал: теперь начиналось самое интересное. Хитрая рыба неподвижно стояла в воде, видимо, зачарованная красотой «мушки» и в то же время не без оснований опасавшаяся лодки. Наконец оторвался прелезавого. Короткий, как выстрел, бросок. И в ту же секунду трёхцветная серебристая полоска взметнулась к солнцу...

И опять разноцветная «мушка», подвеченная стрелителюным колдуним потоком, пошла мимо лодки.

— Родион Ильич... — затворила Прокоп.
— Исподвеченный будет?

— Нет. У меня просьба.

— Выкладывай.

— К нам на шахту из техникума нового замечайника участка присланы, Шешину Галину. Не слышали?

— Я так думаю: можно её в мою лаву назначить. Зелёный всё-таки шахтёр. Помогу.

— А если не захочет? — Ко мне? — Прокоп улыбнулся. — Захочет.

— Посмотри.

«Одно дело узаконить», — подумала Прокоп. И то ли от удовлетворения своим благополучием поступком, то ли от того, что вокруг стояла такая ясина, хорошая тишина, ему вдруг захотелось поговорить с Родионом Ильичом обо всём начисто, по душам. Только стает ли партгор разговаривать на такие темы? А почему бы и нет? Время неслаужное.

— Родион Ильич... Вы, пока с Зинаидой Сергеевной не покинулись, ругались с ней?

Партгор удачнее посмотрел на Прокопа. Ответил серьёзно: — Сермились. И теперь вывет.

— Значит, нельзя же этого? — Почему смеётся? Можно.

Ветер поднял рыбь. Затанцовала на воде «мушка».

— Можна, — повторил Родион Ильич. — Только друг совсем одинаковых людей не бывает. Говорят, что больше всего танцует друг к другу несхожие натуры. Но два любящих человека всегда могут найти как можно больше общего, и чем больше любовь, тем для неё обязательнее полная общность интересов.

— Вроде общего элементария? — подсказала Прокоп.

— Да... У нас теперь чист совсем молодое женитесь, вроде тебя. И ничего тут плохого нет. Это ведь оттого, что у нас жизнь хороша. А вот о тех трудностях, которые в семейной жизни случаются, задумываться ещё мало. Хотя, чтобы всё было так тихо и так... А в семье молодой семье люди ещё сами продолжают расти, развиваются. Значит, друг у друга какого-то недостатка, борются с ними. Иногда столкновения остро, настоящие дружбы не делают сидок. И то на палубу. Этого бояться не нужно.

Прокоп задумался. Выходит, не так уж плохи же дела с Галей. Можно поправить. Только зря он её обидел.

— Родион Ильич, вы будете с Шешinou разговаривать, намекая на просьбу, или Черных просит, чтобы он его участок...
— Намекать. Не хочет.

Прокоп возмутился: — Как это не хочет?

— Говорит, не хочу с мужем на одном участке работать. Семейственности, говорит, будет меньше. У меня девушка. Мы её к Паше привели, потому что не было никаких.

Совсем растерялся Прокоп.

— Когда разговор-то был? — Вчера утром.

Над рекой, клубясь, тает розоватый туман. В просветах — вода, холодная, прозрачная. Камешки по дну. Светало, как днём.

— Как вы обо мне думаете, Родион Ильич?

— А ты как сам о себе думаешь?

Прокоп на лету поймал хариуса, съел с кичерка. Поддел его, скользящего, под забрыз. Хариус утащивал на Прокопа крупным рыжиком газлом.

Холодная жизнь не выходит, товарищ партгор. Был ремесленником, учился — всё правильно получалось. А теперь не получается.

Он бросил рыбу в ведро, вытер пальцы.

— Труду. Со стороны будто и планый порядок: стахановец, книжки читает, и театр ходит, нагрузки разные. А бывает, что самому себе в глаза стыдно поглядеть. И не у одного меня так. Вот в нашем доме инженер Еурский живёт. Восемь шахт построил. А дома у них-то такая карусель!

Родион Ильич положил удочку, закурил. Приשמливо взглянул на Прокопа.

— Да это бывает. Ты метучих мышей видел днём? Не видел. Они все свои прыгают, что-то так и с пережитыми обостом дель. Их не сразу увидишь. Потому с ними и бороться тяжело, Прокоп.

Прокопу показалося, что в соприкоснувшихся глазах партгора промелькнула суровость. Нет, это только показалося: опять смеется глазами.

— Вот что, Прокоп, давай кушиться.

Прокоп побылся.

— Зыбло.

Но Родион Ильич уже раздевался. Черных с удивлением разглядывала шрами на крепком теле партгора. До сих пор видел только его орден.

Холодные брызги обожали лицо Прокопа. Родион Ильич пыла короткими салфировид, тешение быстро несло его к пешной косе, подбежавшей на солнце.

— Холодно?

— Не о-чень!

Прокоп стал быстро раздеваться.

Строители Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина Герои Социалистического Труда (слева направо) И. В. Ермоленко, А. А. Улецов, Е. П. Симан, Д. А. Слепуха и А. П. Усков в Москве на Красной площади.
Фото С. Косырева

Сиреперист Донского стройрайона Волго-Донского канала имени В. И. Ленина
Виктор Мохов, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.
Фото Н. Драчинского

ОБЕСПЕЧИТЬ ВЫСОКИЕ ТЕМПЫ РАЗВИТИЯ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ПРЕДУСМОТРЕТЬ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ДОБЫЧИ НЕФТИ НА МОРСКИХ НЕФТЯНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЯХ.

(Презитивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы.)

Вышки в море возле острова Артия. Фото Н. Драчичевского

Георгий ОСИПОВ

ГОРОД В МОРЕ

Они всегда служат признаком жизни, присутствия человека. В дальней степи они говорят о близости населённого пункта, на железной дороге — станции, на морских просторах — берега. Ныне моряков, ведущих суда по Каспию в столицу азербайджанских нефтяников, встречают мириады сетей за десятки километров от базисной бухты.

— Идем, как по бульвару, — шутят моряки. Это далеко в море шагнули нефтяные вышки. Стальные остова морских буровых скважин — во все стороны от нефтяного Баку...

1. НЕФТЯНЫЕ КАМНИ

Пароход «Адмирал Нахимов», разрезая километры волн, держит курс в открытое море. Несмотря на осень, яркое солнце ослепительно горит на металлических частях и люках корабля. Все пассажиры на палубе; одни под тентами играют в шахматы, читают газеты, другие — помоложе — растянулись на корме, подставляя свои и без того смуглые тела под палящие лучи южного солнца.

В палубе слышна извещения о приближении к пристани. Буровые мастера, операторы нефтяной добычи, мотожанки, геологи, электрики — именно они в основном и были пассажирами «Адмирала Нахимова» — торжественно поднялись с мест и встали в очередь у трапа. Показались ослепительные вышки, нефтяные крыши домов, трубы электростанций, улиты, автомашины, подъемные краны, свисающие тросы и там мелкое судно — баркас, бузурья, баржи. Над городом стоит густой строй. Лебедки подуют бранва, корпус; ветер несёт в море отчетливые слова команды: «вперед», «майна», «так держать»...

Но странное дело! Чем ближе к городу, тем загадочнее становится разворачивавшееся перед глазами панорама. Есть берег, но нигде нет фундаментов; есть улочки, но на них не видно асфальта или булыжника; есть пристань, но она сама... плавучая.

Мы видели город Комсомольск, построенный в тайге, город Талша-Таш, сооружённый в пе-

сках Кара-Кумов, города в снегах Чукотки, в горах Алтая и Памира, наконец, города на островах того же Каспия. Но каждый из них имел под собой почву, землю. Здесь же под удивными, изомыма, магмавыми, буровыми плещется вода. Куда ни глянь, со всех сторон безбрежное море с пенящимися от лёгкого бриза волнами. Кое-где из воды проступают угрюмые скалы, обросшие ракушками и морской тинной.

Да, это город, построенный на воде, в открытом море за десятки километров от берега; город со всеми его жилищами, предприятиями, длинными улицами и крохотными площадями, — невиданный в истории и созданный руками советского человека; город, ставший главной базой морских нефтяников — покорителей моря.

...Высокий задумчивый человек с чёрной шевелюрой ведёт нас по скачному городу, изредка останавливаясь и объясняя его историю, похожую на фантастический роман.

Геологи нашли в этом квадрате моря нефтяные месторождения большой мощности. Район, известный в прошлом под названием «Нефтяные камни», давно привлекал разведчиков недр. Близ подводных рифов и наблюдался выход нефтяных питей и пузырьков газа.

— Видите эту скважину? — спрашивает наш проводник, указывая на одну из морских вышек, которая рядом с другими кажется совсем немельской, хотя от её основания до «голубитня» не менее сорока метров. — Это первая скважина, давшая стране прекрасную нефть из глубин Каспия. Таких скважин теперь много, во этой первой буровой мы не забудем вышек».

Разве можно забыть о тех суровых днях осени и зимы 1949 года, когда группа бесстрашных бакинских нефтяников — геологов, буровых мастеров, строителей — жила несколько месяцев среди неустоявших ветров и бушующих волн Каспия, штурмуя дно самого капризного в мире моря, и построивших на невероятно тяжёлых условиях первую глубоководную скважину! Разве можно забыть о тех днях, когда буровой мастер Михаил Павлович Каверочкин, его молодой помощник Курбан Аббасов (ныне знатный мастер, начальник участка) и ниже-

нер Рошин построили здесь, возле скалы Одинокая, первый деревянный свайный домик, который послужил началом создания скачного города, на мощных стальных сваях!

Среди благоустроенных одноэтажных и двухэтажных жилых домов, среди серебристо-белых нефтяных резервуаров и служебных зданий виднеются корпуса судов. На их бортах отчетливые надписи: «Ленкораня», «Ишики», «Самарканд», «Батыум», — свыше двадцати кораблей. Но они не пылят котлами, не дымят трубами, их борта не покачиваются на волнах. Эти старые корабли, приобщиравшиеся сюда с морского «кладбища» бакинской бухты, были пригнаны для первых разведчиков морских глубин.

— Вот поэтому наш город и назвали на первых порах «Островом потопленных кораблей», — улыбаясь, говорит наш проводник.

Фуад Самедов — так зовут высокого человека — главный геолог треста «Курганнефть», основывающего морскую нефть в районе «Нефтяных камней». Геологу, руководящему сотнями людей на промысле, нет и двадцати шести лет. Он один из тех энтузиастов, которые вели широкое наступление на морские глубины, один из первых бойцов переднего края.

— Каждая новая скважина в море приносит радость геологу, особенно вот такие, как эта, — и Самедов протянул руку к штурверу скважины, на основании которой мы стоим; но его пальцами потекли струйки золотистой жирной жидкости. — Морская нефть отличного качества, — продолжал он. — Наша цель — выйти дальше на морские просторы, бурить скважины на самых больших глубинах. Наша мечта — сделать «жилья» всё море: от Баку до Красновогоска и дальше — до Астрахани.

2. РЕИС «ПОБЕДЫ»

Морские нефтяники хорошо изучили характер Каспия. Считают солнце, тихо плещущее волны у стальных оснований вышек. Подоба хоть куда! Вдур ни с того, ни с сего налетит северный шквал, вздыбится волны, и пошел

— Давайте обсудим итог нашего трудового дня, — говорит знатный буровой мастер Юсуф Керимов (второй слева), общающаяся с членами своей бригады Мехти Гусейнову, Фатхулу Хадырову и Али Солтану.

гулять по морским просторам жестокой nord-ост. Рашпы, когда морские бурение ещё только начинали, считалось, что в четырёхбалльный шторм выходить в море нельзя. Но что поделался, если эти четыре балла бывают чуть ли не постоянно, а в отдельные дни шторм достигает восьми — девяти и, как здесь говорят, с «усилением» до десяти баллов!

Трудно, конечно, уговорить диспетчера А. Р. Аббасова дать разрешение на выход в штормовое море улому катеру, но разве устоит сердце петровца «Нефтяных камней», когда с буровой радист охришим от ветра голосом требует промывочные трубы, новую деталь взамен сломавшейся или просто буханку хлеба и пресную воду! Ведь ещё не все буровые связаны стальными ульшинами-эстакадами с базой — скаловым городом.

С рёвом, заглушающим человеческие голоса и гул моторов, наступают на стальной остров огромные серые волны, но, ударились о сваи, с ворчаньем уходят в море. Ветер рвёт и мечет, словно стремясь свалить ажурные каркасы вышки, снести маленький жёлтый домик с деревянного настила стального острова. Полусогнувшись и крепко держась за железные поручни, бурлящие продолжают своё трудное дело, не обращая внимания на разбухшие спящие.

В непогоду можно приостановить вылазку нефти из скважины, можно задержать работу на эстакаде. Но бурение прекратит нельзя. Сверху, с «лоубяти» вышки, опускаются трубы, неумоимо крутятся ротор бурильного станка, врзается долог, сверлящее несчастье

и каменные слои морского дна. Днём и ночью идёт бурение... Но вот срочно потребовалось замесить деталь, без которой трудно продолжать работу.

— Ты человек или не человек? — наседает на диспетчера комсорг конторы бурения Тагиев. — Молодёжный участок Курбана Аббасова немедленно требует замены детали.

У вас будет дисциплина в море или не будет? — в тон Тагиеву отвечает диспетчер. Вы понимаете, что такое десять баллов? Вот они! — и разозлившись диспетчер показывает свои десять пальцев.

— Ну, — примирительным тоном говорит комсорг, — я не думаю, что ты не захочешь вырвать своего одофаньява, да ещё молодого, да ещё лауреата Сталинской премии.

Тут старый диспетчер уже не может устоять, тем более, что за спиной комсорга торчит внушительная фигура капитана сейнера «Облака» Алексея Белокурова, всегда готового на самые опасные, рискованные рейсы, моряка уважаемого и опытного.

«Облака», оглашая беснующееся море сиреной, отчаливает от пристани «Нефтяных камней» и идёт к буровой Курбана Аббасова. На борту сейнера драгоценная деталь. Судно, словно сорванку, ныряет из стороны в сторону. То и дело оно взмывает на гребень волны и вновь проваливается в пучину. Но у штурвала Белокуров, и через 20—30 минут с трубы увидели огни буровой.

Причалить нельзя: сейнер будет разбит в щепы о железные сваи. Люди на вышке с вол-

нением наблюдают за маленьким суденышком, от которого зависит сейчас судьба буровой.

— Бросайте деталь с хода, — слышишь среди ветра голос Курбана Аббасова. — Только покрепче привяжите.

Слив с себя верхнюю одежду, молодой мастер подполз к самому краю площадки и, обдавемый холодными волнами, прозявшим сорвать его в пучину, ловко схватывает брошенный сверток. «Облака» возвращается на базу, ява буровой продолжает работу.

Моряки «малого флота» — катеров, буксиров, баркасов, барж — люди большой воли и выдержки. Кто на «Нефтяных камнях» не знает Алексея Гусева — капитана катера «Игула»? Он в любую погоду доставляет нефтяникам и инструментам, и трубы, и питание. Героически ведут себя морские танкером — этих неизменных спутников морских промысловиков. Совсем недавно, когда шторм в море достигал девяти баллов, экипаж танкера под командой капитана Алиева подошёл к резервуариуму парку и выгрудил несколько сот тонн нефти. Шесть рейсов — туда и обратно — совершил танкер не дав «чёрному золоту» снова уйти под воду.

3. НА СТАЛЬНОМ ОСТРОВЕ

Катер «Игула», медленно покачиваясь на утихших волнах, идёт от острова к острову. На борту мастер Ризван Гасанов. Здесь, в этом زیبомом морском квадрате, расположен его улоком. Гасанов является одним из тех, кто, получив свавозку от бригады бурения, добывает нефть со дна моря.

Ловко разнернувшись, капитан катера Алексей Гусев подводит судно к швартовой площадке одной из вышек. По тому, как сверкали белезной свежесвыструганные доски настила, на котором стояли двое молодых нефтяников, можно было догадаться, что скважина новая, только что освоенная.

— С хорошей погодой, молодцы! — весело крикнул Ризван Гасанов. — Как ведёт себя «свооруденная»?

— Отлично! — ответил с площадки. — Суточная добыча возрастает. Нефть замечательная!

— Через час пришло смену. Сегодня в новом кинотеатре на «Нефтяных камнях» будет концерт. Прехлялы артисты из Баку.

— Спасибо, приле! — Днём и ночью работают сменные вахты на скважинах, выкачивая несметные нефтяные сокровища золотого дна Каспийского моря.

С каждым днём растёт скаловый город морских нефтяников. Но ещё быстрее растут люди. Впервые рядовые работники становятся руководителями участков, незаметные труженники — героями, комсомольцами — коммунистами. Ещё недавно знатный мастер нефти Ризван Гасанов был простым оператором. Сейчас он мастер. Впервые молодые строители — сестры Дмитрий Семенов и Искандер Тарлов — сегодня работают бригадирами на скважине. Бригадир Амир Магерамов стал главным инженером одного из промысловых треста «Артемнефть».

Нефтяники моря гордо стоят на стальной вахте, добывая тысячи тонн нефти сверх плана, прославляя Родину новыми трудовыми подвигами.

В. ГУРЬЯН

Облака

Уже сентябрь... Но в Мирзачуле
Стоит жара. И день за днём
Плывет небо, как в июле,
Ультрамариновым огнём.
И лишь над горизонтом, робко,
Откуда-то издадала,
Плывут по небу груды хаоса.
Вьёт может, это облака!..
Века
дриа в степи Голодной

Солончаковый, большой зной,
Взгляни, как степь цветёт сегодня
Жизнелюбиво белозной
Повсюду хлопок, Хапка тонны,
Как снег, ложится на хирман!
Висят пушистые бутоны
Под «юбейжками» дешкан.
А по дорогам раскалённым
Из мирзачульских киньялов
Пронесётся аэрокосмонавт,
Как вереницы облаков.

Хирман — место, где сидят хлопок

НА БЕРЕГУ ИРТЫША

В предгорьях Алтая течёт тяжёлый, освещающий сталью Иртыш. На нём возле города Усть-Каменогорска — бетонный пояс. Это сооружена Усть-Каменогорская ГЭС — гидроэлектростанция, которая должна решить проблему снабжения энергией горноуродного Алтая и улучшить судоходство на верхнем Иртыше.

Здесь, как и в прошлые годы, нынешним летом побывала на практике большая группа студентов из разных строительных вузов и техникумов страны. Им предстояло принять участие в решении различных вопросов гидротехники, познакомиться с тем многим новым, что внесли строители в практику гидротехнического строительства.

Вблизи плотины раскинулся благоустроенный посёлок под названием Аблакетка. Здесь разместились и практиканты. В блоках основных сооружений, на бетонных заводах, в песчаных и гравийных карьерах замелькали полосатые ковбойки, футболки и тенниски студентов. Юноши и девушки так сдружились с коллективом, как будто работали здесь с первого дня строительства.

На участке правого берега, там, где перелесла арматура блоков, с утра до вечера можно было видеть выгоревшую на солнце шляпу Виктора Семibrатова, студента Московского инженерно-строительного института. Он каждый день приходил к руководителю стройки с новыми предложениями.

— Этот Семibrатов покой мне не даёт, — смеялся начальник участка Матюк. — Да ведь какой настойчивый! Уж непременно своего добьётся!

А на строительстве подстанции с большим ситуазамом работала студент 5-го курса Горьковского строительного института Вилён Эплен. У него была совершенно самостоятельная работа по возведению кирпичного здания для масляных баков.

Дружно, упорно, не теряясь при неудачах, трудились на леобережном бетонном заводе и горьковчанин Валерий Савельев и москвич Виктор Козлов со своими товарищами, которые занимались ремонтом экскаваторов. Студентка Теренина, работая на шлакоблочном заводе, руководила производством армофем.

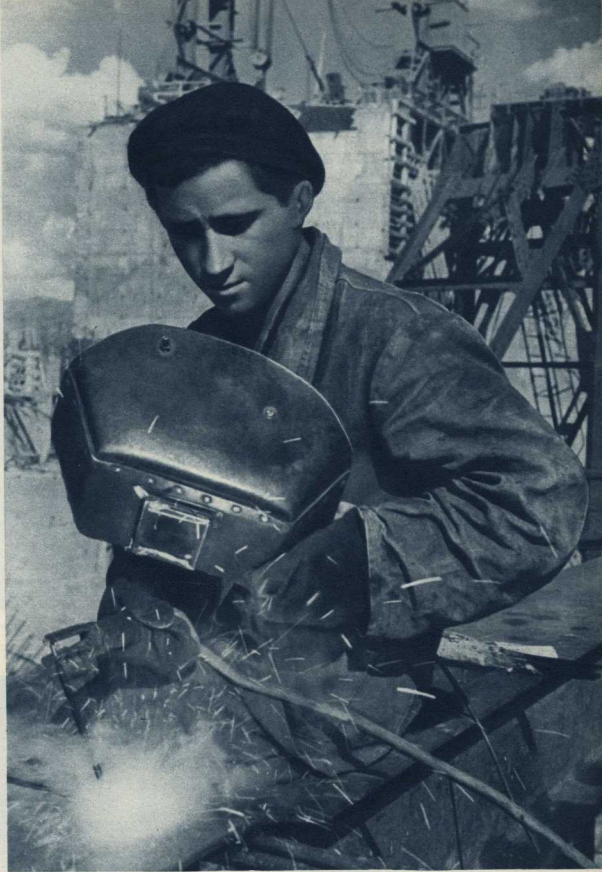
Студенты-практиканты гидротехнической специальности работали и в управлении строительства. Они предложили интересный способ вытаскивания шпунта в перемычке второй очереди. Нужно было вытянуть металлический шпунт, зацементированный в основании и «спрессовый» ко дну реки на глубину 1,5—2 метров. Ни подъёмные краны, ни обратные копры в данном случае не годились. Технический отдел дал студентам задание: найти простой и выгодный способ разборки шпунтовой стены.

Несколько ночей подряд не да свет в комнате ленинградских студентов. А вскоре начальнику технического отдела основных сооружений был представлен несложный чертёж и к нему обстоятельный расчёт. Студенты предложили устройство рычага с плечами один к трём. Один конец этой металлической штанги приваривается к шпунту, а по другому концу бьёт обыкновенный копровый молот. Расчёт оказался правильным.

Вечерами над Иртышом, над его гористыми берегами слыны родные, задушевные песни:

Над Россиею
Небо сияет,
Небо сияет над Новой.
В целом мире лет,
Есть красина
Ленинграда моего.

Это воют студенты Ленинградского политехнического института. Когда они кончат, в

Волгодонце-электросварщик Анатолий Сотчинченко за монтажом каркаса машинного зала Усть-Каменогорской ГЭС.

фото Ю. Королёва

небо поднимается «Сормовская джиреска». У горьковчан она звучит мягко и протяжно:

Но девушкам кране,
Чем в Сормове ищем,
Ему нигде и нигде не найти.

Почти каждый вечер стадион Аблакетки наполняется гулом молодых голосов. В соревнованиях по лёгкой атлетике, проведенных по случаю Дня физкультурника, студенты Московского инженерно-строительного института заняли первые места.

Кончились дни производственной практики. Написаны отчёты, подготовлены материалы для докладов, отмечены командировочные удостоверения.

Ещё не закончено Усть-Каменогорское строительство, ещё подаёт бетон заводы, ещё идут железнодорожные составы с оборудованием для монтажа, но строители уже думают о новой, ещё более крупной стройке на верхнем Иртыше.

— Присажайте, товарищи студенты, к нам на Бухтарму новую ГЭС строить!

— Непременно, товарищ главный инженер! Уже не на практику, а работать.

И мы непременно приедем!

Геннадий ЗАЙДМАН,

студент Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева.

НА ВОЛГЕ

ВВЕСТИ В ДЕЙСТВИЕ КРУПНЫЕ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ КУЙБЫШЕВСКУЮ НА 2 100 ТЫСЯЧ КИЛОВАТТ...

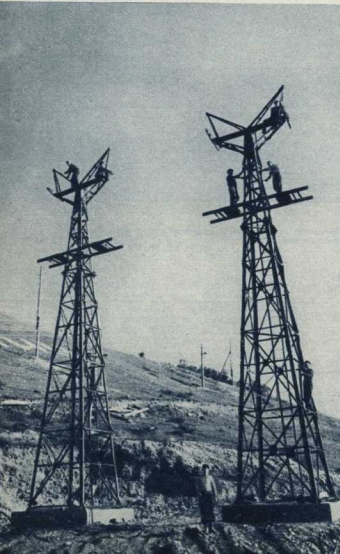
(Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы.)

Прекрасна Волга у Жигулей. Высокие горы склонились над нею, вековые леса смотрят в её спокойную гладь. Здесь, вблизи древнего городка Ставрополя, на том и на другом берегу могучей реки развернулось строительство величайшей в мире Куйбышевской гидроэлектростанции. День и ночь рожучат здесь моторы экскаваторов, бульдозеров, земснарядов, самосвалов... День и ночь разворачиваются плещистые портальные краны, перетаскивая на волжские берега различные грузы и стройматериалы, которые поступают на стройку со всех концов нашей необъятной Родины.

Из гущи лесов поднимаются крыши новых благоустроенных городов и посёлков. В глубине ограждённого частозащитным из стальных шпунтов котлована идут работы по кладке грандиозного по своим размерам фундамента. Пройдёт всего несколько лет — и Куйбышевская ГЭС засверкает миллионами огней...

Установка металлических мачт-опор на горе Могутовой для подвесной канатной дороги.

Двадцатипятитонные автосамосвалы вывозят камень из карьеров Жигулей.

Куйбышевская ГЭС. Один из участков стройки.

Фото Г. Борисова
Старший инженер комсомолки Калерия Гурская (справа) и старший десятник комсомолка Мария Матюковская в городе Жигулёвске.
Фото Н. Финикова

Горные орлы

Песня чабана

Дом родной мой — выси гор.
Он дороже мне всего,
Неба синего простор —
Крыша дома моего.

Цвет моей шапки схож
С чёрной ночью без огня.
В сердце чёрной не найдёшь
Даже топки у меня.

Пью из чистого ручья,
Что мороза холодней.
И цену на свете и
С чистой совестью людей...

Где ты, свет влюблённых глаз,
Зорька радостного дня,
Не скучаешь ли со мной
Ты в ауле без меня?

Ты окошко раствори,
И с улыбочкой в тишине
Ты на горы посмотри
И подумай обо мне.

На зябачком лугу
Должен я нести дозор.
И в долину не могу
До зимы спускаться с гор.

Мне послушен бег коня.
Внемают песнию словныи.
И лишь слышатся меня
Не хотят глаза мои.

Так и тиснутся к тебе,
Так и смотрят только вниз.
Стройной ланью по тропе
На вершину поднимаюсь.

Здесь увидишь лавну
Ты рожденье светлых рек.
Валыко к небу я живу,
Но земной я человек.

Над горами до утра
Небо в звездах золотых.
И на бурке у костра
Хватит места на двоих.

Горные орлы

Жаворонок в небе завылел,
А в саду, что желси и ветвист,
На заре опять выводит треля
Соловей — заслуженный артист.

А голубки утренней порою
Так своей сияют белозной,
Словно это школьники турью
Собрались на вечер выпускной.

Полюн край мой силы и величия,
Полюн птиц,
Чьи песни веселы.

И парят над ним,
как боги птицы,
Много раз воспитые орлы.

Для того, чтоб в небе их выдали
На посту и в грозные дни,
Сквалы неприступные избрали
Грозным местожительством они.

То один поднимется
и гордо
Рассекает крыльями туман,
То, как по тревоге, вся горгорта
В голубой взмывает океан.

Над земай плавуют они высоко,
Словно спирали зоркие её,
И, улыбая их гортанный клёкот,
Прочь летит в испуге воронё.

И готов, как в детстве, я часами
Там, где выси гор всегда белы,

Наблюдать влюблёнными глазами,
Как парят могучие орлы.

То стоят в дозоре над горами,
То в степию движутся края...
Самых смельчак горными орлами
Называет Родина моя.

Первое стихотворение

В тот год, когда,
мечтая стать джигитом,
Ещё не мог я оседлать коня
И на черкесско... бабushкою сшитой,
Ещё ни разу не носил ремня,
Однажды ночью,

с чувством неизвестным
Проснувшись над трядю облаком,
Я выскочил в тиши родного дома
Две строчки по двенадцати слогов.

Настало утро.
И когда задичу
Решал в классе все ученики,
Листок бумаги под тетрадкой пряча,
Я к тем строчкам прибываю две строчки.

Но оттого, что мог заметить это
Учитель, презирающий обмен,
Я чувствовал себя, как без билета
Сидящий в кинозале мальчуган.

Поалли уроки медленно,
как будто
Поалза арба на горный перевал,
Но вот она, желавшая мизгута:
Звонкой последней в школе прозвучала.

Класс опустел. Тропинками аула
Мои друзья шагали по домам.
А я, задвинув двери ножкой стула,
Вернулся к неоконченным стихам.

О первое моё стихотворенье,
Негаданно-нежданно ты пришло
И первые на свете треволненья
Мальчишескому сердцу армянсело...

Весенней лаской улицы согреты,
Я, радостный, хожу среди друзей:
Ведь в первомайский номер стеногазеты
Стихи я отдал с подписью своей.

Пораньше спать улёгся.
А назавтра
Вся наша школа в стягах зорных,
И на стене висит
размером с «Правду»
Печатный орган школьников самых.

Вокруг гурьба читателей толпится,
Ведёт всёёмай, шумный разговор.
И кто-то говорит,

что у чаднишев
Поэтом больше стало с этих пор.

Потом в колонию строились все дети.
И, задержавшись в здании на миг,
Я подбежал к вышней стеногазете
И чуть не подлая от обиды крик.

Кто право дал
без ведома поэта
Его стихи жестоко сокращать?!
Со всей, конечно, строгостью за это
Редактор главный будет отвечать!

Я бросился к директору
и, плача,
Ему обиду высказал свою.
И, улыбаясь,
он рукой гортчей
Погладил нежно голову мою.

А вечером,
на снегу клуба выйдя,
Я, сверстниками астроченный теплою,
Прочтё стихи в несокращенном виде
Пригитхей редколлегия назло.

А, может, был неправ я,
и ребята
Ко мне лишь были чересчур добры.
С тех пор промчалось много лет крылатых,
Но каждый раз до нынешней поры,

О чём бы ни писал стихотворенье,
Я, в жизни избирая высоту,
Хруста в душе и первое волнение
И первых чувств сердечных чистоту.

Перевёл с аварского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

Рисунки А. Паукова

— Вот там и будет начало плотин, — говорит прораб комсомолец Павел Мочан.

Скрепер на участке будущей земляной плотины.

В. ТЕНДРЯКОВ

В ОДНОЙ СЕМЬЕ

ОБЕСПЕЧИТЬ НАПРАВЛЕНИЕ КАПИТАЛОАКЦЕЛИОНА КОЛХОЗОВ, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА — СТРОИТЕЛЬСТВО КОЛХОЗНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ И ДРУГИХ СООРУЖЕНИЙ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ХОЗЯЙСТВА КОЛХОЗОВ И УВЕЛИЧЕНИЯ ДОХОДОВ КОЛХОЗОВ И КОЛХОЗНИКОВ.

(Директивы XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы.)

сыровато-хвойный запах. Колхозников, прибывших на строительство, принимал прораб Михаил Петрович Сучок. Молодой человек, он по-военному подтянут, по-военному точен и краток в разговоре.

- Из какого колхоза?
- Имени Свердлова.
- Фамилия, имя?
- Дедель... Леонард Дедель.
- Специальность? Кем работал в колхозе?
- В бригаде, на поле работал.

Перед прорабом стоит обыкновенный паренёк в кожанных постолах, в ботинках, направленных в толстые домашние носки. Он от смущения не знает, куда спрятать свои большие неловкие руки, привыкшие только к работе в поле.

— Возьмёшь к себе в аэно, — поворачивается прораб к одному из строителей, стоявшему у окна.

— Так он же не бетонщик! А где мы возьмём квалифицированных бетонщиков? Учти людей надо. Пойдешь в аэно к Сухорукову, — обращается прораб к паренёку и, поведлив, добавляет: — Бетонщиком...

Новый рабочий смущённо пожимает плечами: «Вам видней...»

Место, где наметили строить ГЭС, было довольно низкое, топкое. Прямо в залитые водой шпурры было засыпано семь тонн трубчатого пороха. Этот порох не боится воды, он самая подходящая взрывчатка в таких условиях. И вот от взорвавшейся земли пошла по озёрам рыба, сотни тонн земли излетели в воздух, образовался огромный котлован. В него сначала спустился экскаватор Коли Диковина, подчистил дно, а затем уже приступили к своей работе бетонщики. Среди них был и Леонард Дедель, паренёк из колхоза имени Свердлова.

Бетонщиков два аэно. Одно аэно, Сухорукова, работает на правом берегу, другое, Горбунова, — на левом. И само собой разумеется, что оба аэно ревниво следят за работой друг друга.

Как-то раз Дедель, сунувшись на смену, осматривая взрывной земной берег, как забором, огромными деревянной опалубкой.

— Да-а, обгоняют, — промолвил он. Это услышав эвентовой Игнат Сухоруков, обернулся к обидой к Деделю:

— Обгоняют! Надавали мне таких, как ты! Вам кричишь: давай балласт, — а вы; что мол,

Молтован турбинного зала.

Плоские холмы в серебристой осенней стерне, между ними болота... В этих болотах среди осоки не текут, а скорее дремлют ручьи. Они соединяют одно озеро с другим. Озёра обширные, их обступают леса: дубяк попеременно с березняком, кое-где осинные массивы. Таков Валдинский район, окрестности Белорусии.

От местечка Дрисвяты в одну сторону — земли Латвийской республике. В другую сторону — рукой подать до литовских колхозов. Самое острое зажатое между двумя странами. С одного края протянулось на двадцать километров озеро Дрисвятское, с другого — озеро Оболь. Их соединяет речка Дрисвятка.

Однажды в Дрисвяты сошлись на совет представители трёх колхозов: белорусского — имени Молотова, литвийского — имени Свердлова, литовского — имени Адама Мицкевича. Обсуждали очень важный вопрос: как на речке Дрисвяте поставить электростанцию, дать свет и в белорусские сёла, и в литовские, и в литвийские. Строить придётся сообща; само собой напрашивается название ГЭС — «Дружба народов».

В только что поставленном здании котормы всё было ещё ново, необходимо: стальной пол не затоптан, на некрашеных подожженных проступает смола, доски стола распространяют

Бульдозер за работой.

это за штуку? Погляди, у Горбунова какие работники, не чета тебе!

А работники Горбунова, только что окончившие свою смену, собрались на сходных. В центре их круга стоит парень с рыжеватыми, выгоревшими волосами. Он что-то рассказывает. Сухорукову, верно, стало стыдно перед Деделем за свою резкость, он примирительно говорит:

— Ладно уж, чего так мять! Пока есть время, пойдём послушаем Цюмеля. Интересно...

Владимир Цюмель — видный человек среди бетонщиков. Он работал на Волго-Донке, строил там 14-й шлюз и был неинтересен в рассказах о громадных цементных заводах, об экскаваторах с чуть ли не семидесятиметровыми стрелами, о специальных штахтах на кладке бетона, штахтах, которые изнутри обшиваются шельком...

Сухоруков слушал Цюмеля нахмурившись; по нему было видно, жалел, что не сумел «перехватить» у Горбунова такого работника, — а Дедель не отрывал глаз от лица волгодонца: «Вот бы побылать!»

В это утро Сухоруков собрал своих бетонщиков.

— Учиться мы учимся, — заговорил он, — нельзя работать и не учиться, но ты учись. Может, я и сам в чём виноват, не всё успеваю вам показать и рассказать, но и вы, ребята, приглядывайтесь внимательно. Учиться, как видите, на ходу приходится...

Дедель, в это время думавший про себя, сумеет ли стать он таким бетонщиком, как Цюмель, завывал головой:

— Да-да, приглядываться надо... С этим все согласился, и короткое собрание на дне котлована окончилось; звено Сухорукова приступило к работе. Загремел сбрасываемый в котлован камень...

Леонард родился в большой польской семье. У матери кроме него было ещё пять сыновей и пять дочерей. До того, как Латвия стала советской, на всю их огромную семью было всего восемь гектаров земли. И часто в маленьком доме Деделей становилось слишком тесно: братья уходили батрачить...

Но вот Латвия, равная среди равных, вошла в ряды Социалистических Советских Республик, и первое, чему пришлось удивиться, — матери Леонарда, выросшей единнадцатилетней, присвоили звание Матери-героини. Кто бы мог подумать в прежние времена, что беспрестанные заботы, как накормить, во что одеть детей, страх за их здоровье — всё это героическое дело!

А потом пошла жизнь — что из год, то событие! Крестьяне, испугавшись расколывания по хуторам, друг от друга подальше, стали организовываться в колхозы, на поля пришли тракторы, комбайны, и, наконец, решили в крестьянских домах зажечь электрические лампочки.

Эти лампочки давно уже в России зовутся лампочками Ильича.

Вместе с латышами, литовцами, русскими и белорусами пришёл на строительство и Леонард Дедель; ему тоже не терпелось приложить к делу свои руки, жаль только, что эти руки не очень умелые.

Серый раствор течёт по лотку на бетономешалки. Стоящие около лотков люди помогают течь раствору, подталкивают его особыми лопатами. Бетон нужно слить умело, чтобы он равномерно наполнил все пространства между камнями, чтоб не осталось пустых мест.

— Какая это масса? — строго спрашивает Сухоруков у Леонарда.

— Литая масса, около тринадцати процентов воды, — торжопливо отвечает Дедель: он рад показать зрелому свои познания, приобретенные за время работы.

— То-то, — одобительно оценивает Сухоруков, — четыре с плюсом.

Леонард учился. Он узнал, что жидкая, выступающая сверху на залитом бетоне, зовётся на языке бетонщиков «молоком»; что, прежде чем начинать новую заливку, «молоко» нужно убирать, иначе в этом месте бетонная кладка будет непроцной...

Модельщики Николай Янчевский и Василий Новиков.

Росла вверх по правому берегу бетонная стена, достигая левобережную стену, и вместе с поднимающимися над берегами зданиями ГЭС и бетонной плотной росло мастерство Деделя.

В тот день, когда звено Сухорукова дошло до горбуновского звена, на строительство ГЭС пришло известие, что литовцы и поляки колхоза имени Алаша Машевича около местечка Гривиниэ заключили земляную плотину, которая направляет воду, вытекающую из озера Ошворда, в озеро Дрисвятское. Уровень озера Дрисвятского должен повыситься, значит, повысится и мощность будущей электростанции. Всё растущее масштабы строительства радиовали сердце молодого бетонщика, заставляла учиться ещё настойчивей, ещё упорней.

Сейчас Леонард Дедель — бетонщик пятого разряда...

На строительство ГЭС «Дружба народов» приезжает много гостей на дальних и ближайших районах. Они пылко осматривают всё, интересуются, кто работает здесь, знакомятся с русскими, белорусами, латышами. Леонард однажды поехал себя на мысли, что вот так, незаметно, он приобрёл себе друзей в этом большом коллективе, что в числе их и Вера Дагис, работающая на погрузке камня, — латышка, и Питрас Паукшта с камедробилки-литовец, и экскаваторщик Николай Дикович — белорус, и зрелый Сухоруков — русский... Утром они вместе идут на строительство, в последний день работают вместе, учатся друг у друга — одна семья, одно общее дело!

Первая смена приступает к работе в шесть утра. В это время над озерами ещё стоят туманы. Под лёгким ветерком они отходят к берегам и тонут в лесах. Встаёт солнце. Загорается свежая тесовая крыша дессюпели, и дым из трубы локомотива становится розовым. В своём рабочем ватнике, на котором кое-где коркой засох цементный раствор, идёт Леонард Дедель к котловану. На входной арке, на дессюпели и просто вдоль дорог на шестах висят плакаты. На них на пяти языках написаны слова Ленина: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Они написаны и на польском родном языке Леонарда.

Дорога, ведущая на строительство, сейчас осмынена опавшими листьями. На кустах разлетелся паутину. Осень. Не так далеко уже тот день, когда в отстроении здания ГЭС «Дружба народов» включат рубильники и за двадцать километров отсюда, в доме родителей Леонарда, над старым семейным столом, и в домах соседей, и в колхозах соседних республик вспыхнут лампочки — те, что давно уже в России зовутся лампочками Ильича.

Местечко Дрисвятты.

На уроке.

Фотограф Н. Кошловского

Бригадир комплесной бригады каменщиков строительства Наховской ГЭС Дмитрий Березанский. Его бригада за хорошую работу получила переходящее Красное знамя 2го строительного участка.

Фото Д. Шоломовича

ДВА ВЕЛИКАНА

Со стороны Казанских ворот уже шла подготовка к бою. Ныне утром был приступ на город. Народною ратью одержала победу. Казаков было, что теперь было проще: не наступать, а всего лишь выдержать ватник боковой рати, устоять на месте, не допустить аворода прорваться к острожку, в котором в осаде сидел Милославский.

«На приступ явля да ворага гнать,— то всякой дурак сумеет!»— уныл своей ратью Иван Тимофеев.— Хуже в осаде сидеть, али, стое, на месте держаться— вот где наука наука. Стенкой! Когда ты на приступу лезешь,— ты грозный воина. Ты силу свою во всех злоключ члещь— орёл! А когда на тебя наваляют,— ты покаяная дьявина. Ударил бо,— развернуться то негде,— тошиб. Как медведь в своем логове.— Мужества более нужно сидеть— то в осаде, али на месте стоять! Горько.— Мужества более нужно сидеть— то в осаде, али на месте стоять! Мужеством лезть на острожок, добыть Милославского, тотчас ползнуть и одолеть, а стоять вот в поле, под дождем, и ждать,— а сады авородебый острожок, дворянские пушки, пшаны, а впереди авороже войско...

— А что за «воинское, Митя? Как оно там велико?»— спросил Степан Еремеева.

— Дозорные молвят, что тыюши дие, а то три. Пушек с двадцать при них, заводные кони при всех... Языка-то добыть не сумели...

Прежде всего надо было расположить все войско, чтобы им не достали пушки со стен острожка, вывести поле бою вперед по Казанской дороге, подальше от города, однако не отрываться совсем от своих. Надо было расставить всё так, чтобы рать, стоящая за Сингой, влево от города, если гайдет к Казани, была бы словно в единстве полками, стоящими на Казанской дороге.

Первый заслон— из саратовских стрельцов и доиской казачьей пехоты под началом Лазаря Тимофеева— Разин поставил дальше, чем в полверсте от острожка, в кусты у ручья.

С левого бока и тут пойдут, на холмах, стоишь десять пушек Сергея Кривоного с довольным запасом пушечной дрови.

На двести шагов позади стал второй заслон из царинских и астраханских стрельцов под началом Ивана Красуна и Чикмаза. Он стоял так, чтобы пушки острожка его не могли доставать...

В новых поросках возле Волги в а лесу у Синяги расположилось в засаде конница Еремеева и запорожцы Бобы.

Сам запорожский полковник вместе с Еремеевым сопровождал атамана, давая свои советы. Осенний дождь лился с неба. Густая мгла скрывала обоих противников.

Обмелая всё войско, Степан болрил казаков и стрельцов, напоминая об утренней победе. Он и в юне не привык робости, но вод дождем и в густой народ шурла востокте. Хуже всего, что праг был невизым за серой стеной непогоды. Под ногами людей и камней чавкала грязь, приставала к лямкам, к сапогам... Временами кони сковалялись и отшвыльивались.

Дальше молчаливо и вливая становившись уж в тьмоте. Всем хотелось, чтобы скорей завязалась бой.

Разин с товарищами подходил на холм к Сергею. Пушкари забили заряды, напряженно ждали в едом диле, струнившись от зажежных дилелей, прикрывая их от дождя полыми вымокших знамен и кафтанов.

Наумов а Боба набили трубки, раскуривли от фитилей.

— Куды он там к лемку девет? Дозоры, что ли, посылать?— в нетерпении промолвил Степан.

— Ты пошли посылатью— нехай воторонит!— смеясь, сказал Боба.

— Вот ветер тучки погнал. Пусть приваждют, нам будет видней,— возразил Наумов.

В самом деле, подувший от Волги ветер сдёрнул тёмный край облаков, и среди туч засеркала дневная голубизна. Визнаю для всех оказалось, что время не так ещё позднее.

— Степан Тимофеев, бейды дие на земле-то!— высказал обуюю мысль Сергей, вивнув в ту сторону.

— И драться повеселее будет!— отозвался Степан.

Публикуемый отрывок из моего романа «Степан Разин» представляет собой часть анонимно написанной и новому изданию главы «Два великана». Содержание предшествующих страниц таково: только что Разиным взят город Симбирск, на исследованном симбирском иеремье, или осадном острожке, расположенном на самой вершине Симбирской горы, на которой стоял город. Разинское войско вдилохило победой, ибо хотя Разин и прошёл мимо города и за сильной его укреплёностью дие тысячи противных вёрст, но ещё не было до сих пор ни одной вистоящей битвы, ни одной знаи, и бои не успели мобилизовать свои силы. Симбирский бой с дворянами и стрельцами воеводы Милославского— это была первая настоящая битва народно-рати, первое организованное вооружённое сопротивление боярской деспотии. Эта победа привидёт повстанцам уверенность в своих силах.

В прежнем издании романа было только схематически рассказано об этом победоносном сражении. В новом издании романа а ещё нужным развернуть картину этой битвы.

Триет главы «Два великана» публикуется впервые на страницах журнала «Смена».

Степан Злобин

Стольник и воевода князь Юрий Барятинский, вышедший из Казани в поддержку Урусова в Милославского, заподозил к битве за Симбирск на каких-нибудь четыре часа. С вечера Милославский выслал к нему гонцов с вестью, что Разин вот-вот выйдет к Симбирску из Белого Яра. Барятинский послешал, но в двух местах его задержали лесные болота, которые пришлось обходить стороной. Впрочем, Барятинский не без основания, что бою него Милославский не справится с такими разнородными гонцами. К тому же он знал, что, кроме Милославского, ко встрече с Разиным подойдёт окочальнич князь Урусов, который вышел из Казани ещё раньше.

Смешно было представить себе, что два таких опытных воеводы с хороню озабочивались полком быть биты толпами олого сброда.

Бывалый во многих боях воевода, Юрий Никитич уже синкал себе славу в битвах со шведами и поляками. Он был сторонник нового обучения ратных людей на иноземный лад. В Москве в стрелцком приказе один из первых он подавал свой голос за то, чтобы стрельцов обучать иноземному строю. Он ездил в Данию и в Голландию аворовать офицеров на царскую службу, лично изучал сам и передал все знания иноземцам. Под его началом воевал был лёгкий рейтарский полк, который он беспощадно гонял, чтобы достичь совершенства. Он верил в непобедимость своих рейтар, состоящих на треть из местных полков, шведов, датчан и голландцев и всего на две трети из русских дворян и детей боярских.

Воевода не считал бы за честь победу над мужичьём и «неусторованым» казаками. Он считал, что его рейтары должны достаться на долю оло— врататься в бегущие толпы уже разбитых матежников, преследовать их, расстрелять и гнать, добывая, топя и вешая по деревням...

Вести, которые Барятинский получил от симбирских дворян, поутру ублажили его. Разин вызвали в нём лишь презрение к симбирскому воеводе, к дворянскому и стрелцкому войску. Не думая ни о какой осторожности, он повёл свой полк прямо в лоб на Симбирск, уверенный в том, что первым ударом совершит истребительные схватки. Он считал, что воеводе надо быть не сабаими, а простыми плетнями...

Подъездивши, высланные Еремеевым по Казанской дороге приказчики с вестью, что на город идут не стрельцы, не солдаты, а два полка конных рейтар, Разин лишь тут убедился, что это не воевода Урусов, который обходком пошёл от Алатыря. Значит, Урусов мог гнаться сам со себе в лоб к городу...

Атаман послал на Сингу к Сукинину и Пинченко сказать, чтобы крепче глядела дорога за Алатыря.

К Сербякову и Фёдорову Каторжнику, которые держали в осаде симбирский острожок, Разин послал казака увидеть, чтобы зорче смотрели, не пропустит ли вылазку.

И вот изредка показались рейтары, в коротком немецком платье, с лёгкими мушкетерами у себя, в колуцах, с железными нагрудниками, налетели на лошадей, подобранных в мает...

Разин тотчас отправил к Лазарю Тимофееву и к Чикмазу казаков с приказом: пелоте держат конья коние, метить коньям не в грудь, а в брюхо, не авидищеином железом.

Судя по тому, как спокойно, походным строем идут рейтары, Разин с товарищами подумал, что воеводе ничего не известно о ватни города и он подойдётся вплотную, не опасаясь их нападения.

У Сергея зачалась лошадь, и единственный глаз его свернулся торопующим огнём.

— Ух, Степан, как я их ратаю-у!— прошептал он, словно опасаясь, что рейтары могут его услышать.

Но визнаю затрубил весёлым италовм вражеские медные трубы, исто-то выкрикнувал в рейтарских рядах, и рейтарский полк в тызну всадников бое остановав и всякой задержки, на ходу, легко перестроился к бою...

— Вот лавка!— не удержався Степан, обращаясь к Бобе, словно это проделал не праг, а один из его атаманов.

Но в тот же миг все рейтары пригнулось ко гривам, саблы тузело блеснуло над их головами, а лошади бурей вразинулись влево, заходя полукругом на пехоту Лазаря Тимофеева.

Сергей заподозил ударить из пушек— рейтары рядами своей пехоты были теперь отрезаны от холма, где стояли пушки...

Рисунок А. Коркина

С холма было видно, как разом все дрогнули и повернулись казачьих полков, встречая в лицо изменившего направление врага...

Земля дрожала от топота конских подков. Грозыный ярлык пролетел над полем. И вдруг, не выдержав перед этой железной лавиной залповых выстрелов и колющих людей и покрытых истранинскими коней, несколько человек из саратовских стрельцов и доносской пехоты, покинув свои места, бросая копья, пишалы, пустились бежать...

Степан увидал, как сам Лазарь, а с ним ещё с десятка казаков пытаются удержать бегущих, как сами они бестрашно остановились, целых в зарывшихся всадников. Ударил выстрел. Несколько казаков и стрельцов вспомнили, остановились... Вот сека идёт... Но полно! Было бы раньше держаться! Пятятся к пушкам... Ещё побежала кучка стрельцов!

Наумов поймал взгляд Разина, гневный, горящий досадой... Вот-вот Разин не выдержит, кинется сам в эту свалку.

— Я, Тимофей, аминь! — успокоил его Наумов.

Он ничего не добавил, не объяснил, но Разин всё понял: тётка кинулась сам удержать бегущих. Вот он на коне ворвался в их толпу, махнул саблей, что-то кричит, но за общим шумом, за выстрелами не слышно... Рейтары ломят последних...

И всё побежало прямо к холмам, на пушки. На пушки Сергея, на астраханцы Чивмаза не могут стрелять по врагу, который блещит неумолимо на спинах бегущих. Вот враг ворвется на холм, перебьёт пушкарей, опрокинет пушки, дорвется до астраханцев...

«Коницу из засады!» — подумал Степан, оглушённый на Бобу. Он не успел сказать вслух, как Боба уж повял его.

— Не время ещё, Степан! — твёрдо сказал старый полковник.

Вот Наумов рубится разом с двумя рейтарами. Сбил одного, отступают к холму, что-то кричат...

— Пушка! Луни-и! — довелось до холма.

До врага остаётся уже меньше полсотни шагов.

— Трави! — закричал пушкарь Разин.

— Ты бебеска! Не Наумов там! Что ты! Свои! — прокричал побелевший Сергей.

Степан дикой конской метелью с седла к пушкарю, вырвал фитиль и сам пнул в авальник.

— Зелье трави! — повелительно крикнул он.

Одна за другой, влудушке, встроило затроканые пушки. Трещинились ружьями пушкари подносили запальные фитили, чтобы бить по врагу, вместе с ним убавая своих.

Степан потерял из виду Наумова в этой каше: «Жив ли, убит ли?» Пушкари, как в горячке, поспешно опущив затравки пушки. Воеводская конница сбилась с лада, сметённая пушечной дробью. Беглецы в ужасе

перед пушками повернули и понеслись в сторону стрельцов Чивмаза. Наостреку повернувшим за ними рейтарам встали во весь рост стрельцы Красули и Чивмаза, в прямо в улюр, в морды мчавшихся лошадей, в груди и головы всадников ударили разом пыток пишалей...

Юрий Барятинский в этом бою не хотел стоять, как обычно во время битвы, где-нибудь в стороне на холме, наблюдая сражение и рассылая гонцов с приказами. Ненависть к мужикам, дерзанным восстать на бодрство, запитала его жаждой крови и бешеной злобой. Не считая Разина достойным противником, воевода, одетый в простое рейтарское платье, в надежном колеситаре, с саблей в руке, как рядовой рейтар, скакал на правом крыле своего полка, только чуть-чуть, на пол-лошади, выдвинувшись из ряда вперёд...

Когда саратовцы и казаки побежали перед его лицом, воевода поддал своему коню под бока острогами и закричал, как на лотешной травле псарям:

— Ату их! Ату-у!

Так и есть! Так и есть! Да разве он ждал иного исхода? Он сметёт их, сомнёт, захлещет плетями! Его послали в помощь симбирской и алаторской пехоте, но раз её на поле нет, то он одолеет бунтовщиков с одной конницей! Только резче напор, обрушиться молнией!

Грохот разрывных пушек грянул внезапно. Барятинский в первый мгновение принёс его за удар грома. Только тогда, когда начали падать кони и всадники, воевода понял, что это бьют пушки.

Да, пушки он прозевал! Проворонил!

Воевода увидел в рядах рейтар замешательство. Но сам не смутился. Чёт пушки, когда у него отлично обученный полк, который выдал боевые удачи и поражений! Оправится — и погонит их дальше, а там пойдёт из засады вторая полк — такая же тысяча молодцов...

Второй удар пушек ранил под воеводой коня, вырвал вокруг из седла несколько всадников. За своей славой воевода услышал вынужденное ржание раненых лошадей, но он, стремительно перескочив через трупы убитых развзвев, только выкрикнул:

— Братцы, не отставай! Подвигайся к острожку!

«Прорваться под стены, стать под защиту их пушек, вырвать из осады пехоту Милославского и вместе с нею добить эти толпы!» — мелькнуло в один миг в уме Барятинского. Нет, его не собьют с прямой цели пушки мятенников! Он не полезет на них!

Продолжая идти перед собою белесов, он стремился вперёд, к острожку, и вдруг внезапно себя увидал в полсотне шагов в высокой траве словно вырвавшийся из земной строй астраханских стрельцов — свежий строй бегущих, твёрдо целивших из пишалей в ряды рейтарам...

— Мушкет! — едва выкрикнул воевода, но сам не успел выхватить шестопал из-за пояса, как огонь из пикашей прыснул в дождливый сумрак прямо перед глазами. Перелезев через голову лошади, воевода ударился оземь.

Уже дьба на земле. Барятинский увидал, как стреленные кони вонзаются в животы лошадей, как раницы бьют в упор в головы поверженных рейтар... Вот хваленые кони его убегают! Стая! Убегают с поля, бросая оружие!

Воевода вскакивал с земли, выхватывая крепкой рукой скатить под хвост пробегавшую мимо лошадь, лишённую седла. Ловкий, крепкий всадник в простой рейтарской одежде вспрянул в седло и, неслышным среди других убегающих, помчался в общей гурьбе.

— Стой! Стой! Говди! Братцы! Куда вы, немцы собачий Хагг! Хагг! — кричала он, босядло старясь вернуть в битву бегущих рейтар. И вдруг он усмался поистинный зов боевых труб — засадный полк его под водительством князя Мещерского шёл на подмогу...

Для Разина не было неожиданностью, что из леса вылетел свежий рейтарский полк и ринулся в битву: он понимал, что ни один воевода не вводит вразу всех сил.

Свежие всадники знаясь на Чикама прямо в лоб. В стремительном беге они, пожалуй, теперь прорвутся к стенам острожка. Но Разин видел, что там всё в порядке: теперь перед Чикамом нет беглецов, стрелы заредели гнилами и приоткрылись к бою. Пушка тоже готова ударить рейтарам в крыло.

— Пора, — сказал за спиною Стевана Боба. И тотчас стоявший с ним рядом казак забыл в тулупбас, подавая знак конной сабле заворочивая и полку Еремеева.

Но в тот же миг всё вокруг — земля и небо — всё содрогнулось от грохота, гула, света и стопа. По холму, где стоял Степан, прогудел, ударила ядра. Одно из них обило пушку, свалило двоих пушкеры и убило коня. Другое упало между Сергеем и Бобой, но, никому не сделав вреда, отскочило в сторону. Третье азметнуло праць и пссок между холмом и рейтарами.

Ни Степан, ни окружавшие его казаки не могли в первый миг разобрать, откуда метали в них ядра. Только когда донесли до их слуха торжествующие крики со стороны острожка, все поняли, что это оттуда раздался страшный удар пушек, ставших на одну сторону крепостной стены. Подвержая опасности разорвать на части и замые пушки и стволы. Милославский велел положить двойной заряд пороку, лишь бы достать раницев и со своей стороны пособить рейтарам...

Смеление охватило ряды астраханских стрельцов, по которым с тылу хлестнула пушечной дробью.

В эти мгновения замкнул, пока ни пушки Сергея, ни стреленные пикаши Чикама не успели выстрелить, рейтары Мещерского пролетели мимо холма, где стояли пушки, всей массой навалились на смеянных раницев стрельцов и прорвали их разрушенный строй...

Барятинский мчался теперь впереди всех. Он больше не думал о том, что перед ним мужики. Он видел врага, он чувствовал в каждом движении противника руку сильного полководца и понял, что только в соединении с Милославским или с пехотой Урусова может он стать победителем.

— Руби! — голосил воевода, врубаясь саблей в головы, плечи и шею мятельников...

— Сокни!

Вот она, яковец-то, победа! Вот и конец мятельников окаянству. Ишь как бегут!

Ни уцелевшие своей рейтары, ни их воевода не услышали, как с двух сторон налетели на них из засады заповорожи Бобы и домская конница Еремеева. Сам Разин прескзал с саблей в руке и джеская конница Еремеева. Сам Разин прескзал с саблей в руке и джеская конница Еремеева. Сам Разин прескзал с саблей в руке и джеская конница Еремеева.

— Бей немецкую силу! Круши! — повсривала все звуки битвы, раздался над полем его оглушительный голос...

Заповорожи, джески и рейтары смешилися в битве. Если бы Разин не предусмотрел для осяд острожка оставить Флора Каторжаниго и Ежу, то Милославский, наверно, не утерпел бы, вышел бы на вылазку; но осадное войско со всех сторон берегово ворота острожка, и Барятинский нарочно был отрван от осады. Он пошло понял, что с одию своєю конницей не может битесь против конницы и пехоты, пошло понял, что войско раницев не простой, не обученный бою сброд...

В последний миг дря проблещуло солнце и скрылось в лесу за Свяной, а вслед за тем снова вышли кожажесте тёмные тучи и воцарился немилосердный, казалос, до самых костей проникавший дождь с раскатом грома, с осенней бурной грозой. В наступивших сумерках и густом дожде бойцам с обеих сторон становилось труднее битесь. Не раз уже заставляли сабли в размахе, подынялись над головами своего же неузнанного товарища. Ни бойцы, ни их предводители с обеих сторон не знали и сами, кто кого больше теснит, кто отходит, кто наступают, чья земля, лишённых всадников, выбегает всё больше из боя.

Будь хоть немного светлее, рейтары давно увидели бы, как страшно рдеют их расстрошенные ряды; они устремились бы в ужасе в бегство, но сумрак и дождь скрыли от них картину их общего поражения и поддерживали их мужество.

Беспощадная сеча дилася до тех пор, пока до воеводы Барятинского (один размак его в сумраке боя) добрался с полсотней людей посланный разне для развода отхода Лорухин Ежи Елатоский. Он сообщил воеводе, что всё поле бою обложено бесчестной развокемёной орадой и остался лишь узкий проход вдоль самой Свяной.

Вышши возле Барятинского трубач подал знак. Медный голос прозвнал разноголосый шум боя, и вдруг раздался с разных сторон ещё дья, ещё три медных голоса, будто в ответ, повторяя в точности тот же навал. Раницев, не поняв значения этих необычайных, явких для них звуков, заволбодились. Нилья из них повозалось, что с трёх — четырёх сторон из мира и лавни мчется на них свежее силы воеводских полков. Милославное смеление прошло среди них, но этого было довольно, чтобы рейтары, послушные зову сигнальных труб, вырвались из спалки и потеснили адоль Свяной на север.

— Уходи! Уходи! Братцы! Казаки! Гони! Добива-ай! — голосил Степан, прежде дрыхти догнавшихся, что рейтары спасаются бегством. — Сербеж! Пушки на кони — в ут-о-и!

— Экая тёмная. Станал! Что тут пушки! — вытирая мокрой шапкой с борды и лица дождевую воду и пот, возразил Сергей. — Ну, мы знаем им дали! — добавил он, словно битва уже завершилась.

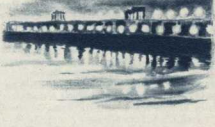
Конечно, Сергей был прав. Пушки были в такой непросветлой ночи бесполезны. Но как упустить врага, когда силы довольно, чтобы их всех до единого перебить, как повывших в облаву волков!

Победить боирское войско, вадливой теменкой вычуди — это значило дить ворову ловые силы и гибрную веру в свою победу.

— Добить до конца! Что нам темен! — оборвал атаман Сергея. — В ут-о-и! — прынул он и с поднятой саблей пустился вскачь в ишверь и мрак вслед за бегущим врагом...

Строительство женщины

Когда о платине зашёл разговор,
что свет нам подарит вода,
плетачи пожав, усмехнулись они:
— Не справитесь вам никогда!

Но вот протянули запаальный шнур,
и гром заремяла на реке.
И стопаи оны, удивлялись они,
Что за эхо поёт вдалеке?

Загудел перфоратор, взметнулся край,
дрогнул грунт, о пощаде моля...
Подожали они ближе, чтоб посмотреть,
Как посямлется в яму земля.

— Эй,— крикнули те, на чьих лицах
лежало
небывалых усилий след,—

довольно с пустыми руками стоять,
мы для вас откопали свет!

И пока вы в раздумье погружены,
мы здесь строим без громящих речей,
и пока вас вопросы смущали, мы
изменили лицо ношей!

Друг на друга молча взглянули они,
обернулись на своей гордож.
Там ширилась, лама из дверей, из окон
лучезарного света поток.

Перевёл с немецкого
Л. ГИМЗУРГ

Карл МУНДШТОК,
молодой немецкий писатель

СМЕРТЬ В ПУСТЫНЕ

Рассказ

Двор казармы походил к полудню на огромную, пынущую жаром скоророду. Солдаты, закопанного по шею в песок, мучила жажда. Мысли вьзделило и неостановно бурная мозж... Там, вверху, среди непроходимых лесов между Сиди-Бель-Абессом, Узветрой, Саидой и Магенгой, раскинулись вольные селения каболов, долины с платангиты табака, оливыковые рощи, виноградники. Ни один патруль не извлек бы его оттуда...

Солнце лезло на змею кипищий свинец, в виексах лезло глазо закопанного словно сквозь кровавую занесу различали долины с везеолопейными крошкми фивогов пальм и атлангитских кедров. Ему чудилось осыла в Дехуре: вот они ходят по кругу, таща из колоды канат с прикрепленными нему кожаными мешками. Ушли, почти оглохшие от прилива крови, слышали скрип лобедий, плеск воды, ошипине от похуванья койкого погонщиков.

Город словно выверел. Единственным признаком жизни был рекий звук: патш! патш! патш! — стонящий в воздухе. Тот, кого поролли, не кричал, и капитан Вейнер сам ввел в руки кнут. Но человек не издал ни звука, а заропот его до смерти только за то, что он разговаривал с беснуном, было неслабо.

Потом Артура Гроте вырвали из песка. В канцелярии казармы бывший эсэсовец фельдфебель Шюц спросил его: — Ну, а теперь ты поедешь с нами в Сайтгоп?

Гроте еле держался на ногах. Он не мог произнести ни слова, но все были уверены, что он больше не будет настаивать на этом прословутом договоре, в котором профромм ради было написано: «...вербуем на пять лет сторожевой службы в Аджере».

До сих пор легионеры безропотно ехали в Сайтон, и только этот чудакыватый Гроте, сослався на текст договора, отказывался выполнить приказ.

— «Песчаная постель» извечна была одного итежника, идя! — рявкнул фельдфебель.

Наступила обычная холодная ночь в пустыне. На перевальном пункте № 1 немецкие легионеры, которым предстояло погрузиться на корабли, идущий во Вьетнам, дремали от холода под тонкими одеялами, но спала. Спала даже наказанный кнутом. Только Гроте не мог уснуть. Он вытянулся на нарах, неподвижный, как труп. То ему чудилось, что его голова по-прежнему торчит из песка, то всплывало лицо старого беудина в лютыхвях. Загорелое лицо старика было изрезано глубокими морщинами, редкие зубы пожелтели от никотина, а по дыханию его можно было безошибочно определить, из какой фабрики.

Из разговора со стариком Гроте узнал, что в горах ещё есть вольные племена.

Беудин и легионер стояли в пустынной боковой улочке, каждую минуту мог появиться патруль, офицер или младший сержант, и Гроте, так же как и его товарищи, был бы наказан кнутом. Но он не мог отвориться от старика, хотя с трудом понимал его бормотание. Из несвязной речи беудина Гроте узнал, что такие же легионеры, как он, поработили каболов, а теперь хотят лишиться свободы народ Вьетнама.

— Вьетнам, малярия, партизан... — бормотал старик. — Умер за Францию... Скверно!..

В казарме зангряли вечернюю зорю, и Гроте должен был уйти, так и не узнав, где находятся горные убежища вольных каболов.

Может быть, этот старый беудин был причиной того, что на другой день начальство распорядилось устроить Гроте пещаную постель...

Перед отправкой на фронт всем выдали новое обмундирование. Старое триплё легионеры сляли в цейхауз; оно предназначалось для новичков.

— Служи верёвкой наши лохмотья, — гонорили со смехом легионеры казенному-му, — не то вши укусят ус со склада.

Им выдали также оружие — американские ручные пулемёты, но без боеприпасов. Тот, кого поролли кнутом, зашантаж на узо Гроте: — Песачко, что Вейнер оставёшь здесь. Мы справимся с ними в джунглях. Не в Вейнер, так с другими. Все офицеры одинаковы!

Гроте так надеялся, что получит патроны, но их не выдали, а без патронов он не решился бежать в горы. Тем временем рота построилась, готова к походу. Гроте вышел вперёд и снова заявил перед строем, что не поедет в Сайтон; об этом в договоре ничего не сказано. Рота стояла молча, оценевая. Фельдфебель Шюц истре не ответил, капиралы, вымучив глаза, смотрели вперёд, и только капитан Вейнер рыл песачко изомом сапога. Когда молчание стало нестерпимым, фельдфебель Шюц сказал:

— Гроте, зайдёте ко мне!

Они забыли скомандовать ему вернуться в строй. Он остался на месте, а за его спиной стояли онемевшие солдаты. Капитан Вейнер похлопывал себя хлыстом по голенищу.

—...Переклячка закончилась. К Гроте пошёл легионер, которого вчера стегали кнутом.

— Они тебя всё равно переувезут...

— Нет.

— Ты их не знаешь.

— Знаю.

— Если фельдфебель ещё раз прикажет, согласисся!

— Ни за что!

— Такой поступок человек не совершает в одиночку.

— Почему?

— Вот если бы все заявили: «Мы не поедим!» — продолжал убеждать наказанный кнутом. — Но они ещё не осознали...

— Когда же они наконец осознают? — подумал про себя Гроте.

— Нас уже четверо, а с тобой пять. Там, в джунглях, мы справимся с мучителями, — говорил товарищи.

— Чтобы нас замучили те, кто их сменяет! — думал Гроте.

Они стояли возле барака — высокий молчаливый Гроте и тот, другой, маленький и коренастый, — со скжатными кулаками, с суровыми лицами, даже глаза были суровы. Так разговаривали они, пока не раздалась команда:

— Гроте, к капитану!

«Безразлично, расстреляют ли они меня здесь или я погибну там. Не поеду!» — решил Гроте.

По закону они не имели права даже наказывать его, но зато из них мог установиться закон! Тот закон, по которому они действовали, был сейчас в руках у Гроте: ручной пулемёт и пулемётная лента, которую ему удалось стащить в караульном помещении.

«Пусть они только сунутся! Я всажу в них все пули, до единой. Всем легионером следовало бы наброситься на этих мучителей! Тогда мир выглядел бы по-иному! Не будь их, я жил бы сейчас дома и работал в булочной».

— Выйти за пределы казармы было просто. Гроте перепрыгнул через ограду, и вот он уже по ту сторону стены, на дороге, ведущей в город. О, этот проклятый Сиди-Бель-Абесс! По его улочкам раскаивают французские патрули; в долине позиция на мотоциклах, а в степи вплоть до самых гор и даже в горах посты жандармерии. Его и в казарму не доставят! Где наступит, там и убьют, как дезертира.

«Они меня не поймут, я найду дорогу в город жандармов. Только бы очутиться в пох!» — успокаивал себя Гроте.

...

Скорый поезд Оран — Ра аль. Ма приближался. Как прощало было пойти на вокзал, купить в кассе билет, сесть в поезд и прориснуться у горных кряжей Шотта, где арабы перегоняют свой стад с пастбища на пастбище! Кто будет искать беглеца в палатках кочевников? Поезд проглотило по мосту через Левию. Летом река высыхала, превращалась в ручей, который местами терялся в каменистом русе, местами переходил в илстые лужи. Но всё-таки ручей журчал, можно было проползти через прибрежные заросли, утопить жажду. Там, где река спускалась с гор, и до её поворота тянулись селения, виноградники.

Вдоль реки проходила автомобильная дорога. По ней день и ночь не прекращалось движение. «Если бы меня привели в частную машину, в итоге добрался бы до последнего горного перевала перед Сахарой, до той гряды, где ещё и теперь скрываются от закона контрабандисты... Неужели ещё существуют поезда и автобусы, улицы и площади и гуляющие по ним люди не знают даже чуть что за оружие? Неужели обитатели белых домов спят мирным сном, не став заряженное ружьё в изголовье? Неужели в этих белых домах мир и покой и только тонкая стена отделяет спящих от войны? А что если вернуться в их жилища и, подняв вверх руки, крикнуть: «Спрячьтесь меня!»

Луна освещает дорогу. Вот из домика вышел капитал с девушкой-белушкой. Куда скрыться от него? Может быть, капитал так медлит потому, что поджидает его, но у Гроте нет выхода, он вынужден идти на гибель. Сейчас капитал оставит беглеца, светит, и патруль отведёт его обратно в казарму. Всё будет проделано быстро, без суда, без гоним, без бюрократической волокиты. Отряд расходится путь патროнов, в личном деле прибавится одна строка, а патроны получат открытку: «...умер за Францию!» И всё.

Но капитал был слишком занят своей ступицей в европейском плаще с габютом вырезом. В городе Гроте чуть не наткнулся на солдата. Беглец услышал шаги, ещё не видя людей, и шмыгнул в тень мечети. Мимо Гроте прошёл музунни в белой одежде и выском торбане, не подозревая, что к святому месту приближился неверный. Со стороны музунни Гроте не угрожала опасность, пока легионер не попытается проникнуть в мечеть. Опасны были люди в шлемах — солдаты французского гарнизона. Если они заметят его в боковой нише мечети, Гроте придётся стрелять. Но солдаты шатались, не глядя по сторонам, болтали от скуки и радовались, что время обхода истекло и дежурство прошло без особых происшествий.

Может быть, увидав Гроте, солдаты не исположились бы. Неожиданный его выстрел скорее всего только бы удивил их. Гроте Представил себя недоумевающей физиономии солдата. Он знал, какие лица бывают у людей, когда их постигает внезапная смерть.

«Это было в маленьком немецком городке, куда он в 1945 году эвакуировался вместе с матерью. Стояли последние дни апреля. Было жарко, как летом, зелена деревья. Высоко в небе, подобно комариной стае, летела эскадрилья бомбардировщиков. В этом городке ещё не утварили ни одной бомбы. Здесь не было ни фабрик, ни заводов, только старинные соборы с алтарями в готическом стиле. В последнее время не подавали даже сигналов воздушной тревоги. Минуя город, бомбардировщики летели на фронт. Война шла к концу. Люди на улицах иной раз взглянули на самолёты, а иной раз вовсе не обратили на них внимания. Вдруг сверху к земле метнулись какие-то тени. И вот уже охвачена пламенем школа, хотя она и обведена яркосамым квадратом и белым кругом и лётчикам понятно, что в ней помещается госпиталь. Горели равнины, сторедали врачьи и острые милосердия горели, пещеры, бархаты в расплавленном асфальте мостовых, как в трясине. Гроте не мог забыть

лица этих людей, выражавшие безграничное недоумение, и мёртвых детей с широко открытыми глазами. Самолёты ушли. Американские лётчики, вероятно, смеялись над своим коллегой, который развлекения ради нажал кнопку бомбосбрасывателя.

...Сейчас Гроте шёл по окраине города. Вдоль дороги росли толстые акации с пожелтевшей пыльной листвой. Чувствовалась близость пустыни. Ветер гнал пыль через горы; она покрывала улицы, проникала в кофейни, оседала на дне стаканов с вином, которые французские офицеры наливали себе из больших графинов. Вокруг опустылилась пустыня. Даже альфа с остриями, как жук, листьями посередела.

Из темноты высочай конный развед. Гроте свернул с дороги и ополз в степ. Ветка шиповника оцарапала ему лоб, и кровь залила глаза. Сфранс! промчался мимо, безмолвие, как призрак, всадили и него слепил в одно целое. В следующий раз Гроте шархнулся в сторону, услышавшись торговец, который трясся на своём осле.

Гроте перешёл на заснежённую песком тропинку, которая так петьяла, что ему казалось, как будто отдалённый от него место, чтобы приблизиться. Но тропинка всё-таки вела вверх, и в ночное время вряд ли кто-либо ходил по ней.

Гневы замолкли. Всю ночь напролёт они вили и лаяли, их заливчатый хохот доносился к Гроте, Гроте слышал его до середины себя, то за спиной. Зелёные огоньки вспыхивали во тьме. Ночь была полна жизни, и Гроте не чувствовал себя одиноким. Внезапно всё смолкло, хотя рассвет ещё не наступил. Потухли зелёные огоньки, ароматнее задышала степ, всё рыцель становилось песок под ногами.

«Он, наверное, попал на мой след... думал Гроте.— А может быть, я сам, спасаясь от смерти, иду ни! навстречу?» Там, вдали, среди песков, расплосился концентрированный лагерь Сиди-Бель-Абесса. Его не так-то легко обойти. Гроте казалось, что он чувствует полевые бинокли жандармов на своей спине, слышит, как полчищеские заводят свои мотоциклы, а сфрансы, словно чёрные стрелы, стремглав летят в горы на выстроженных арабских скакунах. Может быть, его ждёт засада у входа в ущелье?

Отца Сиди-Бель-Абесса остались позади. Легионеры теперь спят в казарме один подле другого. И только он, Гроте, не знает покоя, только он остался без товарищей, одиноким, в пустыне... Дерзнул! Разве он не прав? Разве он не отколотился от своих?

В ущелье, по которому дорога спускалась вниз, вспыхнули огни фар — один, другой, третий... Целая автоколонна, извиваясь, шла в Сиди-Бель-Абесс. Эти машины заберут легионеров, чтобы отвезти их на смерть, но не меня, — думал Гроте. Разве он чем-нибудь связан с оставшимися? Да и был ли когда-нибудь связан? Какое он имел к ним отношение? Разве эта рота, эта кучка молодых людей разных национальностей, вырванных с корнем из возрастной их почвы, была сообществом, как их в том убеждало начальство? У этих парней нет между собою ничего общего, их ничто не связывает. Пустыня не его родина! А где его родина?

...с фансы — колониальная французская палатина.

Фары потухли. Внизу легионеры грузились в машины. Бригадо оружие, вспыхивали огоньки сигарет. Наказанный кинут еще вместе со всеми. День и ночь он с товарищами будет подстерегать момент, чтобы расправиться в джунглях с мучителями-офицерами. Неправильно подозревала в солдатах доброту дура.

Ночь ушла, будто поднятый занавес. Только в горах ещё держались сумерки. Тёмное ущелье манило беглеца, придавало ему смелости. Там можно продолжать путь даже днём, скрываясь за деревьями и отбавляя в тени. В горах легко спрятаться и, затихнув, наблюдать за преследователями. Только бы добраться до каблино! Его не отличит от темноты, так и почернет от солнца. Может быть, он всё-таки правильно поступил, действуя в одиночку? Один он легче проберётся на родину. Гроте старался не беречь воспоминаний. Он никогда не говорил о доме, никогда не писал писем родным. Сейчас он дал себе волю.

...Дома в этот час звонит будильник... впрочем, он давно уже не звонит. Гроте вспоминал, как он злился, когда будильник трещал по утру, как быстро отеч проглатывала горячий кофе и хлопал дверью. Однажды утром будильник не зазвонил. Отец, проснувшись, продолжал ворочаться в постели, восторженно восклицая и выжидая в вакудире, пока не захлопнется дверь. Первые дни отеч не сомневался, что скоро найдёт новое место. Однако всюду, куда бы он ни приходил, его опережали другие.

Наконец биржа труда послала отца на работу. Он пошёл на фабрику и увидел пикеты бастующих. Отец не захотел стать шундобрехером. С тех пор биржа труда не давала ему нарядов.

Артур Гроте не умел жить надеждой, подобно отцу. Он не верил, что работа найдётся, не мог вынести нужды, поселившись в их доме.

Где только отеч раздобыл деньги, чтобы поехать вслед за ним? Если бы Гроте не отчаивался из отца, он так и не узнал бы, что отец приехал в Нидерланды, куда по распоряжению французских оккупационных властей привели завербованных. Командант не пустил отца в крепость, где жили в казармах будущие солдаты иностранного легиона. Отец пытался вырваться оттуда снова, но безуспешно. Потом Гроте перебрался в Марсель, и он очутился за железной решёткой форта Сен-Николя. Отец, конечно, не потерял надежды: он поперечному ждёт его. Ждёт и мать, сочувствующая под жеманство гора. Гроте представил себе, как тихо он постучит в дверь, войдёт, повесит на спинку стула свою куртку, — вот он и дома! Навстречу ему выйдет отец с неизменной улыбкой в зубах. Он не будет ни плакать, ни смеяться — это дело матери! — он вынет трубку изо рта и скажет: «Хорошо, что ты снова с нами!»

Так мечтал Гроте, вовсе не думая о том, что он хорошая мишень для стрелка. Степь лежала позади в предраспоротом тумане. Гроте заметил жандармов лишь в тот момент, когда они оккупировали его. Жандармы стояли кучной на виду, сплывали, готовясь, как во время занятий на стрельбище, открыть огонь по беглецу.

Рисунок В. Трубиновича

ЗА ЦВЕТНЫМ БАРЬЕРОМ

В. Морев
**ЗА ЦВЕТНЫМ
 БАРЬЕРОМ**

Капитан Вейнер имел опыт в ловле беглецов. Он достаточно времени прослужил начальником лагеря для русских военнопленных. Период каникул в Германии капитан казился в лагере французам. И еще отправился его в иностранный регион. Вейнер полагал, что в качестве инструктора он будет спокойно сидеть в Сиди-Бель-Абессе. Но прибывшая для перевозки легионеров автоколонна привезла капитана, предписывающей Вейнеру отправиться на фронт во Вьетнам.

Капитан был уверен, что бежавший легионер Гроге не уйдет от него живым. Когда ночью роты подошли для поругки и выяснилось, что Гроге исчез, немедленно заработали телефоны и радио. Пожелали приказы блокировать дороги, расчистить горы.

Сейчас Вейнер не отходит от радиостов и каждую минуту ждет сообщения: десантир поймав. Капитан Вейнер предпочитал отсиживаться в тылу, муштровал новобранцев, время от времени расстреливал дезертиров — это было несложно. И вадру пришло ехать со своим в Сайгон. Вейнер не считал, что участвует. В джунглях погибло немало офицеров. Рассказывают, что многие из них были убиты выстрелом в спину.

Сообщение о поимке Гроге не приходило. Ежеминутно появлялись эскавоны Шютца и докладывали о передвижении повстанцев. В погоне за беглецом отряда жандармов. Вейнер кричал на радиостов, отдавая одно распоряжение за другим. Наконец пришло известие, вселяющее надежду в капитана. Фельдфебель Шютца только что доказал, что на помощь жандармам, которые ведут перестрелку в Льяном уезде, послан патруль.

— Какая так перестрелка? Это трещат скалы — кричала в испуге капитан Вейнер.

По утрам, когда на смену холодной ночи приходил знойный день, в горах часто раздавался треск, напоминавший ружейные выстрелы. Но бойцов лагерь Гроге, что отчетливо слышались пулеметные очереди.

— Шэфри заволот моторы, ждут только вас, господин капитан, — торопил Шютца.

— Патруль ещё не вернулся, — повторяли связисты.

Капитан велел передать новые распоряжения связистам на другом конце провода не отходить.

Капитан Вейнер уезжал на фронт, так и не закончив сдать Гроге. Он сел в машину с неприятным чувством: бумаги, которые он оставил своему товарищу, были в большом беспорядке. Вейнер велел передать солдатам, что косяк не истинный за том, чтобы Гроге доставлял в казарму живым. Такое распоряжение было равносильно смертному приговору.

Когда жандармы у входа в уезд увидели беглеца в военной форме, они не стали стрелять. И хотя поблизости не было свидетелей, которые могли бы рассказать об убийстве, жандармы, как того требовал устав, окликнули Гроге. Они были уверены, что смогут разрешить его уязвим в любой момент, как мишень на стрельбище. Охота на человека была для них развлечением. Жандармы не ожидали ответной стрельбы.

Патруль, прибывший на место перестрелки, нашёл Гроге лежавшим за камнем. Из его окоченевших рук вырвали пулёт. Патроны были израсходованы все до последнего. Стрелявшие гильзы валялись на песке. Один из жандармов был ещё под впечатлением, что жандарм он умер со словами: «Этот немец храбро сражался».

— Господин капитан так и не узнал, чем закончилось дело Гроге. Вейнера убил, прежде чем из Сиди-Бель-Абесса в джунгли прибыло пополнение. Капитана застрелил не тот легионер, который был убит в тот момент, когда он убежал со своего командного пункта, расположенного далеко от линии огня.

Воины вьетнамской Народной армии проводили фронт. Им было убит в тот момент, когда он убежал со своего командного пункта, расположенного далеко от линии огня.

нием так же, как это было и в век официальной работы!

Всякая политика негра перешагивает за барьер, всякого ополченца его жизнь, карается самым суровым образом, вплоть до смерти. Американские фашисты стараются подавить движение негра за гражданские права, прибегая к жестоким методам террора.

Убийство негра без каких-либо причин, по существу является расправой с ним, неминуемая «судом Линча», открыто бытует в Соединенных Штатах Америки. Линчевание часто превращается в расправу за гражданские права, вплоть до самых любопытных зверств.

Факты, расходящиеся расправы американских расистов с неграми, заполняют и десяток страниц книги В. Морера.

В городе Дирборн была проведена и дереву, которая носила вызвать протест против зверского убийства негра, но представители этого же штата тюремные охранники расстреляли восемь заключенных негра, которых отпустили работать без ботинков на Иллинойском доловитых землях.

Во время массового негритинского погрома в Детройте в июне 1943 года были убиты, ранены и изувечены сотни негров.

Брохкователями таких кровавых погромов и расправ является фашистская организация Ку-клукс-клан, которая уже много лет существует в США и пользуется поддержкой народа.

В заключение, самое страшное заключается в том, что кулукс-кландцы и подобные им бандиты не только находят оправдание и поддержку у американского народа, но и представляют этого «прасуданца» слышь и рядом используют его в Соединенных Штатах ввиду негритинского движения, приговоренных к смерти по ложным обвинениям, много пробы, Скорее люди, которые, приводящие и вынесенные суровых приговоров, специально устраивают для того, чтобы запугать негров и парализовать их стремление к свободе, — пишет автор. Особенно подробно он останавливается в своей книге на процессе молодого негра из Луизианы, Вилли Макги, который был казнен на электрическом стуле 9 мая 1955 года.

В своём письме к жене, приведенном в книге, Макги писал: «Я знаю, что я не виновно. Вновь и вновь рассказывая людям, что я никогда не совершал этого преступления. Скажи, что истинная причина, по которой они собираются лишить меня свободы, — это стремление держать негров на всей Юге в подчинении. Если бы не было негров, не было бы ни тюрьмы, ни детки будете продолжать бороться. Рассказывая им почему я был убит их отец. Я знаю, что ты выносишь мое пробы. Сколь людей, которые они продолжали бороться».

Заключив книгу В. Морера, читатель должен быть посвящен тем, кто борется за свободу и мир против расистского угнетения и террора. Это знаменитый левый Пол Робсон, доктор Уильям Дубоу, один из создателей аннагарского движения, целью которого было обеспечение гражданских прав негритинского народа. Доктор «Конгресса борьбы за гражданские права» Уильям Паттерсон и другие. В. Морера рассказывает о Вендиамаре, который дитящие время был единственным представителем негра в городском муниципалитете во Флориде, семье Ламзини — активных работников компартии.

Коммунистическая партия США, несмотря на террор и свирепые преследования её руководителей, организует американцев, в том числе и негров, в активную борьбу за вич, за демократию, за гражданские права для всех трудящихся.

Движение сторонников мира поддержали широкие массы американских негров. Они связываются с борьбой прогрессивного негра за вич, за демократические свободы, против расовой дискриминации, против реакции и фашизма.

Книга В. Морера содержит богатый и яркий фактический материал, который поможет молодому читателю разобраться в существующем безправном положении негра — «за цветным барьером» в США, о борьбе за мир, за свои права и за свободу демократического негритинского народа.

А. П. ДИЛАНЯН

Перевела с немецкого
 Л. ЛЕНЧЕВА

« В. Морев в «За цветным барьером» (Записки советского журналиста о положении негра в США). «Молодая гвардия», 1952.

Иранский тхэквондист, чемпион мира Намдоо, чувствовал себя на олимпийских играх, как дома: на счету много серьёзных и убедительных побед, бороться нечего.

Корреспондентки Намдоо заявили, что намерен значительно улучшить свой прежний результат. И по тому, как вперлись вокруг него фотографы, иранец заключил, что и они не видят для чемпиона достойного соперника: уж не потому, а потому известно, на чьи фотографии будет спёрт!

Перед началом состязаний Намдоо подошёл к Ивану Удовову, спешившему в зал, и остановил его.

Наступило молчание: Намдоо не говорил по-русски, Удовов не знал по-ирански. Намонец чемпионов мира поинтересованно похлопал Удовова по плечу, словно говоря: «Ну, как дела, мальчуган?»

И, не дожидаясь ответа, заговорил по-своему: ткнул обе пальцы в грудь, потом показал на Удовова и двумя резким движением руками вниз, точно сгибая его до земли. Всё это означало: «Вот, как я тебя!»

Удовов не любил громких фраз, однако здесь не сдержался.

— Ну что и, посмотри! — сказал он.

Конечно, иранец ничего не понял, а объяснить знаками Удовов не мог, он только помахивал пальцами в ответ на недоуменный взгляд Намдоо, дескать: «Не умею руками объяснить», — и зашагал Дашле.

А покачал, можно и руками, — подумал он, входя в зал и глядя на притованную к соревнованию штангу. — Вот он, мой переводчик...

Удовов внутренне собрался, сосредоточился. Соперником, он всегда превращался в бойца: становился темпераментнее, загорнее; у него словно сил прибавлялось.

Начались соревнования штангистов — классические требования: вынимание, вырывание и толкание тяжести.

Удовов, на помост поднялся Намдоо. Он обвёл публику взглядом и красивым, привычным движением плавно поднял штангу.

Под аллюменты зрителей на табличке, установленной у заднего края помоста, появились: «90 кг». «Волнуясь» старался не глядеть в притизный зал, Удовов вышел на помост. Впервые он участвует в таких крупных соревнованиях. Сколько от него сейчас зависело!

Удовов попросил поставить на штангу 90 килограммов, скинул халат, подошёл к штанге. Неторопливо расставил ноги, наклонился, надёжно обхватил ладонями шершавую накатку грифа. Затем рынком взял штангу на грудь и, дождавшись хлопка судьи, до последнего вынимал её на вытнутые руки.

— Девяносто килограмм! — Результат чемпиона мира!

У Намдоо серьёзный соперник. Начинается борьба между Удововым и Намдоо. Иранец замедленно и уверенно выполняет второе упражнение, Намдоо явно волнуется, но он всё же в последней попытке вырывает 95 килограммов!

Результат первого подхода и штанга Удовова: 92,5 килограмма. По условиям соревнования судья имеет право заполнить указание трижды.

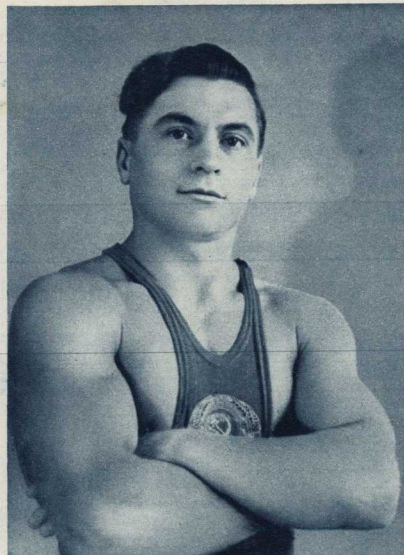
Удовов спойно увеличил вес штанги на килограмм. За притих в ожидании. Во второй раз подошёл к штанге Удовов.

Удовов! Штанга над головой советского спортсмена.

Однако один из судей не засчитал результата Удовова. — Ты же не так хорошо поднимается он со своего места.

У Удовова осталась ещё одна попытка.

Он снова на помосте; в зале на-

Олимпийский чемпион Иван Удовов. Фото Н. Волкова

СЕКРЕТ ПОБЕДЫ

ступает тишина. Гулко стучит сердце, и кажется, что его удары слышим все присутствующие. Тяжело. Борются последние не только со спортсменом, но и с судьбой.

С предельной чистотой и чёткостью Удовов вырывает 97,5 килограмма. И зал не выдержал: почти все зрители дружно рукоплещут невысокому ростковому пареню.

Много труда положили Удовов, обрабатывал это сложное упражнение.

Удовов решительно направился к помосту.

«Я должен победить! — думал он, — победить во что бы то ни стало! В этот момент ему передал телеграмму, Удовов развернул сложенный четверть листок и прочитал: «Дорогой Ванюша, желаю успеха. Работай по-советски!»

Друзья думают о нём сейчас! Друзья с ним!

Родина... Она ждёт от него победы!

С задором и даже чуть вызывающе глядя Удовов на своих противников, следивших за каждым его движением, расправил крутые плечи и пополнил руки на гриф штанги.

127,5 килограмма толкнул советский спортсмен, на 5 килограммов опередив своего основного соперника — Намдоо.

Команда тхэквондистов СССР заняла первое место.

Иван Удовов стал чемпионом олимпийских игр. Кто же он и откуда? Как пришёл к этой замечательной победе?

В биографии Ивана Удовова нет ничего необыкновенного.

Родился и вырос он в станице Губоной, расположенной на Донце. С детства любил дикие мальчишеские забавы: мирного плава, лазил по горам, забирался в пещеры.

Однако за все это не забывал он и главное: хорошо учился, а потом старательно работал в колхозе. В армии пригнали к спорту. Увлёкся гимнастикой, волейболом, прыжками. Когда в 1947 году он вернулся домой, станицчанки пригласили его на областные соревнования тхэквондистов в Ростове.

— Что вы! Да я и штанги-то в глаза не видел! — отмахнулся Иван.

— Ничего, одерем, парень ты вон какой стал! — крипный, подержи землянок!

В Ростове никому не известный спортсмен занял первое место.

Быть может, это случайность? Удача! Нет, любовь к физкультуре с детства, занятия другими видами спорта подготовили такой успех.

С улыбочкой вспоминает Иван тогдашние свои результаты — он выжал всего 55 килограммов!

— Ты должен обязательно заниматься тяжёлой атлетикой! — сказал Удовову ростовский тренер Баян, из тебя выйдет штангист, призрачная обязательно и нам.

И Удовов приехал в Ростов. Он поступил в техникум, стал помощником столяра, заниматься тяжёлой атлетикой.

Внимательно отнёсся к новичку опытный тренер Марк Лукьянович Баян.

К концу седьмого месяца Удовов выполнил уже норму мастера спорта.

В первом же номере журнала «Мастер спорта» Союза 1948 года он занял 4-е место.

Первый успех окрылил Удовова, доказал ему убедительность своих слов, что всего можно добиться, регулярно работая над собой. С угроенной энергией возобновил он тренировки, однако его результаты друг поочему-то перестали улучшаться.

— В чём дело? Почему?

Удовов пытался объяснить тренеру. Маловато тебе теперь одних упражнений со штангой, давай-ка включи в тренировку и другие виды спорта.

Удовов стал регулярно заниматься гимнастикой, плаванием, метанием диска. Особенно помогли ему бег на короткие дистанции и прыжки.

Через год на всесоюзных соревнованиях в Челябинске он занял первое место, а всего через несколько месяцев — всемирных соревнованиях он неизменно удерживает это место. В 1950 году в Москве Удовов победил всесоюзный чемпион в точности двумя руками, в 1951 году в Баяну он установил всесоюзный рекорд в тхэквондо, в 1952 году Иван занял первый мировой достижение в рымке двумя руками.

Успехи не вскружили голову, с неслабым знанием своего дела, с неслухающей настойчивостью продолжал тренироваться. Особенно упорно готовился Удовов под руководством опытного тренера Николая Ивановича Лучнина к Международным олимпийским играм.

Отличная физическая подготовка Лучнина, так же, как и первый тренер Удовова, уделял большое внимание общей физической подготовке, следивших за каждым Удовову в борьбе за золотую медаль чемпиона.

Однако главное условие его победы — твердая воля, настойчивое желание добиться успеха во имя любимой Родины.

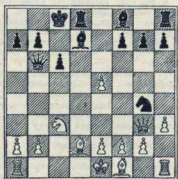
В. КРАСИЛЬНИКОВ

ТВОРЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Спортивные достижения советских шахматистов неразрывно связаны с их творческими ростом. Игру советских мастеров отличает гармоничное сочетание научного подхода и шахматной изобретательности. В каждом соревновании все больше открываются партии, которые наглядно подтверждают это.

Рассмотрим два характерных примера.

IX международный шахматный олимпиаде гроссмейстер В. Смыслов добился не только превосходства этого турнира. Его партии были насыщены тонкими позиционными маневрами и остроумными комбинациями. Прекрасным образом творческих достижений В. Смыслова может служить окончание его партии с польским мастером Пяликовским.

Комбинация Смыслова начинается ходом 13... С47—d6, его конь остается под ударом пешки. Однако благодаря этой жертве нельзя. 14. h3 последует. 14... Л: d2 15. Кр: d2 Ф: b2+, и черные легко добьются победы. Партия продолжалась так:

14. Лa1—d1 Фb2: b2 15. h3: g4 С18—b4 16. Лb1—h3 Лb8—d4 17. Фc3—e3 Лb8—d8 18. f2—f4 Сe6: g4 19. Лb3—e3 Сg4—f5 20. Лd3—f3.

Белые целиком перешли в защиту, однако им не удалось избавиться от давления черных, и Смыслов завершил свою атаку.

20... Сb4—a5 21. e2—g4 С15—с2 22. e5—e6.

Белые попытались получить контригру, но это не спасло их от поражения.

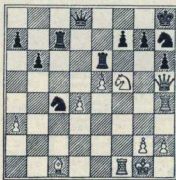
22... f7—e6 23. Фe3:e6+ Крe8—b8 24. Лf3—d3 Сc2: d3 25. e2: d3 Са5: e3 26. Фe6—e5+ Крb8—a8.

Белые сдались.

Другой пример можно привести из недавно закончившегося международного шахматного турнира в Стокгольме. Как известно, в сентябре 1953 года предстоит соревнование кандидатов на матч с чемпионом мира М. Ботвинником. 12 человек будут бороться в этом турнире.

Семь участников турнира кандидаты были выявлены на прошлых соревнованиях. Это советские гроссмейстеры: И. Болеславский, Д. Крочицкий, П. Керес и В. Смыслов, аргентинец М. Найdorf, американец С. Реннишев и голландец М. Зине. За оставшиеся 5 мест в Стокгольме Борниси 21 представителю от 13 стран.

И снова сильнейшими оказались советские шахматисты. Они завоевали все первые пять мест. Права участвовать в турнире кандидатов добились А. Котов, Т. Петросян,

М. Тайманов, Е. Геллер и Ю. Авербах. Каждый из них провёл много хороших партий, но интереснее всех играл в Стокгольме гроссмейстер А. Котов. Вот как закончил он свою атаку с немецким мастером Унцинером (см. диаграмму).

27. Кf5: e7+ Крb7: g7 28. Сc1: b1+ Крb7: g7

Если чёрный король отступал на b7, то к выигрыву вело 29. Сf7+ Кр: f7 30. Ф: h7+ Крb7 31. Фa8+ Крf7 32. Л: f7+! + 29. Лb4—g4+ Лe6—g6.

В этой позиции Унцинер, очевидно, надеялся защититься, так как примолинейное 30. Л: g6+ f3 31. Ф: g6+ Крb8 ещё оставило чёрным возможности сопротивления. Но Котов имел в виду другое!

После этого эффектного проигрыша чёрным пришлось отдаться. Хочется отметить творческие успехи и многих молодых советских шахматистов. В этом году было впервые разыграно командное первенство страны между спортивными обществами.

Первенство проводилось в Одессе и закончилось победой шахматистов спортивного общества «Искра», опередивших на 2 очка команду «Слава» и «Наука».

Среди соревнующихся были два гроссмейстера — 42 мастера. Однако, несмотря на такой сильный состав участников, молодые спортсмены добились отличных результатов. Так, например, шахматист города Кирово Сидоров одержал победы над мастерами Бяниным и Константинопольским; представитель Московской области Амосов выиграл у Дух-Хотимирского, Чистикова и Батуева.

Многие партии первенства были проведены на высоком творческом уровне.

Таковы творческие достижения представителей передовой членинской шахматной школы.

Мастер Л. АБРАМОВ

СМЕНА
В номере:

- Партия — наш рулевой. Песня. Александр Евсеев — Победители.
- А. Варфоломеев — Волский цемент.
- Валентин Губин — На реке. Стихи.
- Александр Рекемчук — Кандидат. Рассказ.
- Георгий Осипов — Город в море.
- В. Гурьян — Облака. Стихи.
- Геннадий Займан — На берегу Иртыша.
- На Волге. Фотоочерк.
- Рассул Гамазов — Горные орлы. Стихи.
- В. Тендряков — В одной смене.
- Степан Злобин — Два великана. Отрывок из романа «Степан Разин».
- Хильда Гурд Мария Раух-Фукс — Строительные плотин. Стихи.
- Карл Мундштюк — Смерть в пустыне. Рассказ.
- Ал. Дилянян — За цветным барьером.
- В. Красильников — Секрет победы.

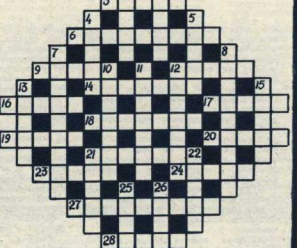
КРОССВОРД

Составил Н. Пивторяди (Киев)

- По вертикали:
1. Чашка света. 2. Совокупность русел, по которым в древности происходил сток вод из Аму-Дарьи в Каспийском море. 4. Советский детский писатель. 5. Мысль, приводимая в доказательство. 7. Русский писатель XVIII века. 8. Широко известное образное выражение. 10. Система условных письменных обозначений. 11. Песня русского композитора Алябьева. 12. Народный артист СССР. 13. Коммунист-подпольщик в романе Липина «К новому берегу». 15. Точное воспроизведение. 21. Река в Европе. 22. Точка небесной сферы. 25. Героический эпос киргизского народа. 26. Плавающая глина.

По горизонтали:

 3. Старинный украинский музыкальный инструмент. 6. Великий русский учёный. 9. Единица измерения количества электрического тока. 12. Рассказ Куприна 14. Гал. 16. Залив в иновских реках. 17. Отсюда народной республикой. 18. Город, в районе которого строится мощная гидроэлектростанция. 19. Газета железнодорожников. 20. Двигатель. 21. Сплав, отличающийся высокой электрическим сопротивлением. 23. Государство в Азии. 24. Спортивное общество. 27. Знаменитый русский антрополог. 28. Отрицательный электрод.

На первой странице обложки: Роалин стали. Фото Я. Рюмина.

На четвёртой странице обложки: Краповники Московского порта. Фото А. Мовлева.

Оформление номера
В Урина.

Цена номера 2 руб.

